

A close-up photograph of a snail with a brown and yellow shell climbing a green stem. The snail's body is dark brown, and its two long eye stalks are extended upwards. The background is a soft, out-of-focus green.

Вячеслав
Сорокин

Моление улиток

православная поэзия

Вячеслав Сорокин

Моление улиток

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70301209

SelfPub; 2024

Аннотация

Мой духовник не раз говорил мне: «Вячеслав, если можешь не писать – не пиши!» Но не писать я не мог. Да и духовника слушался не всегда. И потому за годы моей церковной жизни стихотворений православной тематики у меня накопилась целая книжка. Это – непосредственные отклики моей воцерковляющейся и, позже, воцерковлённой души на то, что происходит в глубине моего сердца. Даже если это пейзаж, даже если кажется, что я описываю какие-то внешние события – в первую очередь это о внутреннем глубинном содержимом. Размышления о жизни и смерти. Много покаянных стихотворений. Молитвы. Эпитафии. Восторги. И тут же рядом – внутренние терзания, отчаяние. Бесчисленные вопросы к Богу, собеседнику и самому себе. Мне повезло, что мир оказался устроен таким образом, что ни один вопрос не остаётся без ответа. Это воодушевляет меня. Пусть это же вдохновит и вас! Покаянная тема, красной нитью проходящая через сборник, постепенно утратила свою тяжесть, отрастила крылья и освободила меня от меня самого...

Содержание

Содержание	5
Введение	13
Цикл «Моление улиток»	16
Цикл «Прости меня»	28
Цикл «Нерукотворённый храм»	42
Цикл «Из купели»	67
Цикл «Они и мы»	79
Цикл «По дороге в Дамаск»	85
Цикл «Густая темнота перед рассветом»	94
Цикл «Бесконечность возможных начал»	108
Эпилог	147

Вячеслав Сорокин

Моление улиток

Вячеслав Сорокин

сборник православной поэзии

Содержание

Введение

От автора

Цикл «Моление улиток» (25)

Моление улиток

Оглашенные, изыдите

Евы разуверились в Адамах

Я ищу давно. Всерьёз...

Долгое плавание

Человек – нерасцветший цветок...

Напряжены до истощенья нервы...

Ожидания белая птица, застывшая в небе...

Где Ты?

Страдания имеют свой предел...

Знамя всепрощающей любви

Господи, не дай мне возгордиться...

Серпы у края поля

Когда бы мы просто любили и жили...

Не брось прохождения тесного...

Может ли ленивый и презренный...

Совість, ты дева, иль птица, или источник хрустальный...

Верни мне дар любить, похищенный у предков...

Мои заботы, кажется, просты...
Во Христа креститесь
Жди и терпи пока
Первыми Бога славят монахи...
Тишины благословенье
Ступенька, за которой небо...
Люди-деревья

Цикл «Прости меня» (25)

Разве не для нас воскрес Христос?
Адамкаин
Mea culpa
Оставь меня жить...
Угасает во мгле сияние...
Дела мои не умрут...
Прости меня!
Там, где прошёл я остаётся пустота...
Вот гвоздь в моей руке, Невинный опозорен...
Края страниц Писанья режут душу...
Не поднимают ли лица, творя благое...
Молитва теплится лампадой закопчённой...
Только птицы минуют сетей...
Человек. Убийца сердец...
Ты предал Бога, человек...
Вдруг прозвучит "Отойди!"
Ну вот ты и пришёл – страстей потоп...

Плестись путём широким...
Не прикоснувшийся к престолу...
Где взять мне слёз...
Твоих благодеяний слишком много...
Бог душу воскресил...
Не учат ничему провалы и паденья...
Он со мной, но я теперь не с Ним...
Эпитафия

Цикл «Нерукотворённый храм» (25)

Нерукотворенный храм
Львы вдохновений
Неизвестному духовному отцу
Ecclesiast
Есть сердце у сердца...
Попытаемся хотя бы улыбаться...
Крест или хлеб?
Ангелы, как дождь – не иссякают...
До чего я дожил, Господи!
Слишком рано для заутрени...
Слова «монах» я отношу к себе...
В Пушкинском парке
Ода жёнам-мироносицам
Я лишь поэт – редакторы друзья...
Стансы
Стропила

Что нам дни и расстояния...
Сохрани тебя Бог!
Закладки выпадают из книг...
Послушай, ты веришь в Бога?
Знакомый звук умолкнувшей любви
К океану
Бессонница
Погляди на меня, разве я от станка...
Как лозу виноград, как налитые яблоки сад...
Я – человек земной из глины и дыханья...

Цикл «Из купели» (23)

Текут, как капли дождевые, дни
Невидимая брань
Бог это значит "Болий"
Слезами освящается душа
И не ждать, заслуженно, прощенья...
И слова и дороги подходят к концу
Черёмуха цветёт
Дома книги на полках...
Я не уйду сейчас другие времена...
Целительная суть скорбей
Молитва
В храме ночью
Как бьётся сердце сквозь бумажную икону...
Научиться любить можно только ценой потери...

Скрывая доброту
В простом, как в необыкновенном
Я не хочу назад
Духа Святого сладость
Когда нас позовёт Его Любовь
Всё так и было
Храмы
Боже милость льёт сквозь сердце...
Бог не молчит

Цикл «Они и мы» (11)

Они и мы
Отойди от меня, сатана...
И счастья и ужасы жизни земной...
Теряющий время по каплям, как раненый зверь...
В одной душе
Смерть не внезапна...
Ни проруби, ни полыньи...
Симеону Печерскому
Марии Египетской
О безумства бездумные юности глупой моей...
В земных заботах исчезает небо
Отрину всё, чего хочу

Цикл «По дороге в Дамаск» (18)

В каждом провинциальном городе...

Бог беззубого сердца
Желтая проседь, небесная просинь...
Не сходите с креста!
Потребуется годы, чтоб вернуться...
Тайна покаяния
Мы Богу задолжали доброту...
Вдруг входит мысль и всё осиявает...
Когда я вижу люди со свечами стоят...
По дороге в Дамаск
Холодный, тёмный, мрачный, очерствелый...
Баржа
Пахарю
Они навеки примирились...
Рождество
Как просто с Богом в тишине...
Любовь возвращена держу в руках дрожащих...
Странник

Цикл «Густая темнота перед рассветом» (20)

Сотворил Ты меня странником, а живу я горожанином...
Неужели мы – люди последних времён?
В душе, где гнездится порок...
Ты желала мне смерти, моля прекращения муки...
В искусственном мире, далёком от рая...
Цена непощенья
Святая чистота сдалась и отступила...

Конечно, мир ещё не ад...
Дней бездонный кувшин
Человек свыкается с прощаньем
Ветер осени вьёт напраслину...
Скорбная последняя дорога...
На смерть близкого человека...
На могиле свежей замерзают розы...
Как вспышки сиреневых молний виденья...
Миражи, миражи, миражи...
Безлистных крон немые привиденья...
На берегу
Я – город, населённый чужеземцами...
Он говорил о глупости любви...

Цикл «Бесконечность возможных начал» (22)

Настанут времена, когда мы дострадаем...
О, дней моих немислимый дневник!
Окутывает сладкозвучьем многоголосый хор сверчков...
Стихи, как дыханье похожи, но неодинаковы...
И лёгкий холодок нательного креста...
Собачий лай многоголосым эхом
А значит для меня...
Звёздным светом, как пылью снежной...
Земля бывает выше облаков...
Сказочный электрик
Поступки, мысли и слова имеют времена и сроки...

Четвёртый путь

Слепому остаётся память...

Пришла пора последний сделать вздох...

Не качал бродяга-ветер хвою...

Последний волк желанья...

Случай в кафе

Она торжествовала...

Бог дал тебе неведомую власть...

Вселенная ста тысяч лун

Я обожаю рисовать на крыше...

За эту почти бесконечность возможных начал...

Эпилог

Будет время, как грифель, стирать предложения в песок...

Введение

Мой духовник, о.Валерий, не раз говорил мне: «Вячеслав, если можешь не писать – не пиши!» Но не писать я не мог. Да и духовника слушался далеко не всегда. И потому за годы моей церковной жизни стихотворений православной тематики у меня накопилась целая книжка. Я собрал их в одном месте, чтоб они пригодились вам так, как они пригодились мне.

Это – непосредственные отклики моей воцерковляющейся и, позже, воцерковлённой души на то, что происходило в глубине моего сердца. Практически все мои стихи – об этом. Даже если это пейзаж, даже если кажется, что я описываю какие-то внешние события – в первую очередь это о внутреннем глубинном содержимом.

Размышления о жизни и смерти. Много покаянных стихотворений. Молитвы. Эпитафии. Восторги. И тут же рядом – внутренние терзания, отчаяние, безнадёжность, уныние и выход из этого через обращение к Создателю. Бесчисленные вопросы к Богу, собеседнику и самому себе. Мне повезло, что мир оказался устроен таким образом, что ни один вопрос не остаётся без ответа. Это воодушевляет меня. Пусть это же вдохновит и вас!

Покаянная тема, красной нитью проходящая через этот сборник, постепенно утратила свою тяжесть, отрастила ры-

лья и освободила меня от меня самого...

Перечитывая укомплектованный сборник, я удивился, насколько тяжел и труден был мой путь к той ступеньке, на которой я окончательно выбрал Свет и Бога... Вера и самоирония на этом пути всегда меня выручали. Немалую дозу и того и другого вы найдете на этих страницах...

Возможно, кому-то стихи покажутся простыми, местами даже несколько наивными... но, во-первых – "будьте, как дети"... а во-вторых – у каждого из нас своя дорога... Я часто зачитывал свои стихотворения, когда проводил паломнические поездки и многим, очень многим они не просто нравились – мои нехитрые стихи открывали невидимым ключом заветную дверку в сердце, за которой – стремление изменить свою жизнь, сокровенная тяга к Богу и Небесному Свету... Поэтому мои стихи предназначены исключительно для тех, кому они действительно пригодятся... Даже если это будет всего один человек на планете.

Есть ещё и в-третьих – в построении этих фраз и мыслей, в использовании слов и смыслов – раскрылся я сам... Таков, каков я есть. Это – я, и это – энергия моей Души, моя энергия – другого меня у меня попросту нет. В этих стихах я весь – взрослый и детский одновременно, отважный и любопытный слегка заумный, глубокий, начитанный и вдумчивый и тут же – поверхностный, легкомысленный, открытый, искренний в крайней степени, почти наивный. Я похож на ребенка, прожившего тысячу лет, но не утратившего свою

любопытность и интерес к жизни. И сами стихи, в которых точности и литературному качеству я предпочёл глубину личного переживания – моё реальное отражение в зеркале русского языка.

В стихах часто встречаются церковнославянские слова и обороты – это связано в первую очередь с тем, что я псаломщик и церковнославянский язык для меня привычен настолько, что я на нём думаю... Впрочем, он родной всем нам. Помнится, кто-то из моих детей сказал, мол, папа, смотри, буквы церковно-славянского языка похожи на хромосомы! Как же тонко ими это было подмечено. Надеюсь, это не доставит читателю большого неудобства, так как все эти обороты на слуху у тех, кто регулярно бывает на богослужениях и читает домашние молитвы...

Кроме того, я обожаю многоточия... Это просто примите, как есть...

На этих страницах я разместил почти всё, что нашлось в моём сердце возвышенного, потому что я давно влюблен в Этот Непостижимый Источник Невидимого Света, который на Земле принято называть Богом – и не стесняюсь в этом признаться. И Ему и вам, моим читателям...

О всех замечаниях, неточностях, ошибках и опечатках пишите мне на электронную почту 9821178@mail.ru или в телеграм [@spbrealtor](https://t.me/spbrealtor) туда же можете адресовать свои отклики и впечатления. Мне дорога каждая живая душа и потому ответить обещаю каждому лично.

Цикл «Моление улиток»

* * *

В середине долгого пути,
Потерявший всякую надежду:
Господи! Как я хочу войти...
Но недосыгаем рай, как прежде.

Вдруг наступит нестерпимый жар,
Небеса свернутся, словно свиток.
Господи, останови пожар!
Подожди ползущих вверх улиток!

* * *

Начала пшеница разрастаться,
А моё зерно упало среди терний...
Уходить мне или оставаться? –
Я не оглашенный и не верный!

* * *

Евы разуверились в Адамах,
В их способности вести к воротам рая.
В самых сладких и красивых самых -
Сердцевина чуть не полностью гнилая.

Заходя в ночные балаганы,
Я заметил в быстрых женских взглядах:
Евы сами по себе... Адамы
Допивают горький кубок полный яда.

* * *

Я ищу давно. Всерьёз.
Между трёх высоких сосен,
Или может быть берёз.
В поисках проходит осень.

Здесь везде мои следы,
Я хожу по ним смелея.
Три сосны, как три беды -
Слава Богу, не аллея!

Потемнело. Замело.
И становится морозно.
Я ищу уже давно.
И, похоже, что серьёзно.

* * *

Где, Господи, такая тишина,
Где не бушуют помыслы страстей?
Где ветер гнева не дырявит паруса,
Не обрывает боль души моей снастей,

И волны чувств не хлещут через борт
Унылого и углого челна,
Давным-давно плывущего в Твой порт
Сквозь мрак невежества и жизни времена?

* * *

Человек – нерасцветший цветок, невзошедшее солнце,
Помнишь, Бог сотворил тебя, мир положив возле ног?
Человек. Невзошедшее солнце, нерасцветший цветок.

* * *

Напряжены до истощенья нервы -
Ни спать, ни ждать, ни думать, ни любить.
Я в этом мире, Господи, не первый,
Втугую натянувший жизни нить.

Ещё одно неловкое движенье
И побегу с обрывком поводка...
Удерживает глупых от паденья
Невидимая твёрдая рука.

* * *

Ожидание – белая птица, застывшая в небе,
Тяжесть спелых колосьев, для жатвы созревшего хлеба,
И покОится сердце, как взгляды на старых иконах,

Ожидание – это надежда святых... и влюблённых!

* * *

– Где Ты? Где Ты? Где же Ты?

– Я всегда с тобой.

Чаще, чем дыхание,

Слаще, чем любовь,

Незаметней волоса,

Больше, чем песка.

Только в звуке голоса

Спрятана тоска.

И звенит задетая

Тайная струна:

– Где Ты? Где Ты? Где же ты,

Вечная страна?

* * *

Страдания имеют свой предел,

Блажен, кто добирается до края.

А кто из нас, признайтесь, не хотел

Однажды постучать в ворота рая?

Наш рай находится, буквально, в тех краях,

Карабкайтесь, упрямо, неотступно...

Уходит вверх тропинка, как змея,
Теряясь на высотах неприступных.

* * *

Свечки маленькое пламя
Пред иконкой затепли –
Чуть мерцающее знамя
Всепрощающей любви!

* * *

Господи, не дай мне возгордиться -
Это твой подарок, а не мой.
Выпорхнувшая из клетки птица
Направляется, не мешкая, домой.

Неустанно к океану воды
Реки терпеливые несут,
Находя заветные проходы,
Совершая терпеливый труд.

Сознавая личное бессилье
Самому достичь желанный рай,
Я прошу: дай пламенные крылья.
И ещё: неутомимое усилье...

Ну а возгордиться мне не дай!

* * *

Облак гладких переливы растекаются над жатвой.
Делатели Божьей нивы крепко спят, их сны приятны.

Травы пряные дурманом убаюкали навеки,
Воздух тёплым океаном опускается на веки.

Усыпляющее пенье мелодичной птичьей речи
Не нарушит их забвенья раньше, чем наступит вечер.

Не очнётся, не застонет видящий хмельные грёзы;
Головы колосья клонят в пыль роняя зёрна-слёзы.

Спит душа, лишившись рая, у неясных снов в неволе...
Зря лежат серпы у края нескончаемого поля...

* * *

Когда бы мы просто любили и жили,
Не ссорясь, не споря, не злясь, не делясь,
Не пробуя яблок, не пачкаясь в пыли,
Не делая больно, не падая в грязь,

Не зная обид, огорчений и боли,
Не делая тайны, не пользуя злом...
То ангелы, радуясь, дли б и длили

Блаженные дни, нет которым числа...

* * *

Не брось прохождения тесного,
Терпи, исполняясь твёрдости,
Помазанник Царства Небесного,
Царь сердца, лишённого гордости!

* * *

Может ли ленивый и презренный
Превзойти земное бытие?
Может ли конечный, перстный, тленный
Царствие наследовать Твое?

А Господь все прибавляет годы
И из милосердия прячет взгляд,
Не желая отнимать свободу,
Данную семь тысяч лет назад.

* * *

Совесь, ты дева иль птица,
Или источник хрустальный,
Что непрестанно стучится
В двери страны обручальной;

Что воспаряя над тленным

В небе высоком летает;
Что изливаясь слезами
Душу мою оmyвает?

Где-то в глубинах сердечных,
Где-то в просторах бездонных
Спрятана юная вечность,
Словно зарыта икона;

Словно источник подземный,
Ждущий кайла и лопаты...
Совести шёпот – как голос
Птицы. Небесной. Крылатой.

* * *

Верни мне дар любить, похищенный у предков,
Вглядись внимательней, как мне не всё-равно.
Как горлица, душа томится в тесной клетке –
Не тронута вода. Несклевано зерно.

* * *

Мои заботы, кажется, просты:
По-детски верить, не оскудевая,
Не возводя бумажные мосты,
И не рисуя в воздухе холсты,
А неуклонно ждать у двери рая.

Себя при этом бдительно теряя...

* * *

Вокруг аналоя ходили люди:
Раскрыты сердца, средоточены лица. –
Братьями... сёстрами будем!
«Во Христа креститесь...
Во Христа облекостесь... елицы.»

* * *

Дожить до тридцати
И вдруг узнать,
Что некуда идти,
Что благодать
Кругом живёт,
И нужно только взять
Раскрытою рукой,
Но... (знающий, молчи!)
Ладони не разжать,
А в ней лежат ключи
От двери. Внутрь войти
Не раньше сорока
Позволит благодать...
Жди и терпи пока.

* * *

Утро земное – радость небесная!
Разве такое приснится?
Первыми Бога славят монахи,
Позже – и солнце и птицы.

* * *

В Божьем доме – в новом храме
Замолкает ночью пенье.
Спит январь в оконной раме.
Тишины благословенье...

Свет мерцающей лампы
Шлёт душе успокоенье.
Что ещё от жизни надо?
Тишины благословенье...

* * *

Ступенька, за которой небо –
Престол. Алтарь. Кафельный дым.
Минута преложенья хлеба.
Минута единенья с Ним,

На землю снизошедшим свыше
Для освященья моего...
И кажется порой, что слышишь
Дыханье ангелов Его.

* * *

Люди-деревья

Мы наполнялись жизни соками
С тех пор, как проросли в живущие.
Тянулись разумом к высокому
И сердцем верили в грядущее.

Любви ручьи журчали звонкие,
И были дни на ласку постные:
Вот годовые кольца тонкие,
Вот годовые кольца толстые.

Не обошлось без веток сломанных,
Пролитых слёз, задетой гордости.
И с ветром делали поклоны мы,
Чтоб не коснеть в ненужной твёрдости.

Небес с землёй соединения
Несуществующая линия
Терялась где-то в отдалении.
Всё ближе было небо синее.

Всё ярче было солнце истины,
Всё громче ангельское пение.

Мы трепетали каждым листиком
Томились от благоговения.

И те, кто выстоял в страданиях,
И не подрублен был беспечностью
Достиг корнями мироздания,
Соединившись кроной с вечностью.

Цикл «Прости меня»

* * *

Для кого, скажи, Христос воскрес,
Разве не для нас, страстями пьяных?
Ангелы нападали с небес,
Я причислен с ними к лику окаянных...

* * *

Адамкаин

Я таился как зверь,
Но для совести нету запоров.
Я чурался людей,
А на лбу проступала печать.

Я укрылся в листве
Шелестящих земных коридоров...
Где ты? Где ты, Адам?
Я молчал. Я не смел отвечать.

* * *

Mea culpa

Прошлое жжет как ртуть,
Давит как глубина.
Я исковеркал путь -
В этом моя вина.

Дерзок я был и зол,
Жаден, угрюм, упрям.
В окна лез, вместо чтоб
Встать, подойти к дверям.

Дьявол меня стерёг,
Дьявол меня берёг –
Сотни и сотни миль
Адски кривых дорог.

Сколько посеял зла –
Нету ему числа.
Сколько невинных дней,
Столько шагов во тьму...

И почему Любовь
Божья меня спасла,
Путь возвратив и Жизнь –
Ведомо лишь Ему...

* * *

Оставь меня жить... Нет, не ради пустых обещаний –
Я знаю, что мне не исполнить святые заветы.
Но ради прощений врагов моих, ради прощаний,
И ради желания знать на вопросы ответы.

Жить в доме отцовском наёмником... раб своеволья,
Я, проклятый, тысячу раз все обеты нарушил.
Оставь меня плакать о днях отречения и боли,
Когда я не смог сохранить мою грешную душу...

* * *

Угасает во мгле сияние неоплаканной ночи белой.
Я ищу одного – покаяния. И расплаты за всё, что сделал.
За минутное увлечение было брошено всё, что дорого...
Угасает во мгле свечение и сгущается тьма над городом.

* * *

Дела мои не умрут –
Предстанут на Страшный Суд,
Покажут пальцем – «Вот он
Нарушил отцов закон...»

Он совесть свою попрал:
Убил, возжелал, украл...
Почти не любил людей...
Обжора... Прелюбодей...

* * *

Прости меня, прости! Я вовсе не достоин
Не то, чтобы просить – и думать о Тебе.
По отношению к моей земной судьбе
Насмешкой кажутся слова «Христовый воин».

Едва жива душа, проиграны все битвы,
Желания порыв задул мою свечу.
Я снова променял на грешное «хочу»
Слова спасительной Иисусовой молитвы.

Упрёки совести найдут меня повсюду,
Мне места на земле отныне вовсе нет.
В ушах – звон двадцати серебряных монет
И стон отчаянья прозревшего Иуды.

Схватив рукой с земли птенца с крылом подбитым,
Я выпустил из виду стаю журавлей...
Осядет жизнь, как пыль, поднятая с полей,
А вечность, словно клад останется сокрытой.

Отвергший благодать, отринувший святыню
Я недостоин тлеть среди тюремных стен,
За грех расплата – смерть, не вавилонский плен.
Гони меня, неблагодарного, в пустыню.

В одежды брачные мне не дано одеться,
Надежда умерла, осталось лишь одно...
Зазнавшегося сердца обнажилось дно –
Лукавого, грехом изъеденного сердца.

Оттуда, изнутри пришла моя беда -
В испорченной душе начало всех падений.
Исчерпан весь запас нелепых извинений
И вынесен вердикт: «Извержен. Навсегда!»

Дитю пристало лепетать «я так не буду»!
Но не умножит ложь последний честный взгляд...
Я был на дне души и видел этот ад
И правду эту я навеки не забуду...

* * *

Я – червь, я коридоры делаю в земле.
Там, где прошёл я, остаётся пустота.
И мой отец был червь – их мир лежал во зле,
А наш был озарён сиянием креста.

Но что с того... я – червь, мой рот забит землёй,
И пустота – плоды моих трудов.
И пусть всю землю осиял Спаситель мой,
Я на поверхность к свету выйти не готов...

* * *

Вот гвоздь в моей руке, Невинный опозорен –
Прибьём Его ладонь! Опять... Опять. Опять!
На боевом посту наёмный римский воин,
Чтоб Бога на кресте в сто первый раз распять.

У каждого свой долг – работа есть работа,
Вина на вожаках – я выполнил приказ,
Нелёгкий труд земной закончив за кого-то,
А мзду за кровь мне мир ещё сполна воздаст...

* * *

Края страниц Писанья режут душу,
И из надреза капает слеза...
Они смогли, а я обет нарушил -
Сижу, реву, ладонью тру глаза.

Они в раю, а я захлопнул дверцу,
Они молились обо мне, а я...
Пью горечь, наполняющую сердце -
Прозрачный, горький сок земного бытия.

* * *

Свет известковых плит, уложенных вплотную,
Свет, ранящий глаза – тот, что не мил.

О чём таком, скажи, сегодня я тоскую,
Что взгляд на эти плиты опустил?

Не поднимают ли лица, творя благое?
Понурый взгляд – всему виной я сам,
Отдавший за бесценок дорогое...
Затылок мой и сердце без покоя

Так надоели белым небесам!

* * *

Молитва теплится лампадой закопчённой
В холодном сердце...
Небо высоко.

Темно в душе, грехами уличенной
И больно вспомнить.
Молодость не сон.

Жизнь разделилась на четыре части,
Из них три пройдено, но
Сердцу нелегко.

Счета не плачены. Вокруг одни напасти.
Душа и совесть.
Слёзы в унисон.

* * *

Только птицы минуют сетей
И немногие из детей,
Но не крылья,
А сердце
Избегнет
Заслуженной кары.

Солнце село в сиреновой мгле,
Нас оставив бродить по земле.
В подступающем
К горлу
Аду
Полыхают пожары...

* * *

В горло не идет покаяние.
Внутренности жжет окаяние.
Черный голос шепчет в сознании:
В бездне путь твой, в бездне конец...

Тщетны все земные старания.
Избегая в жизни страдания,
Нажил ты тоску и метания...
Человек. Убийца сердец.

* * *

Ты предал Бога, человек
И рай на гордость был променян,
Поэтому твой труден век,
Поэтому ты слаб и бременен.

И не спеши кричать: «Не Я!»
Не смей роптать, как я не смею —
Предательств скользкая змея
Кольцом вокруг обвила шею...

* * *

Каждый час, каждый миг
— это взгляд,
Это шаг...
И, дай Бог, не назад;
Каждый вздох —
Это сон, или явь...
Или сеть
Неизвестность покорно сплела?
Мать в дорогу дала два крыла,
На прощанье обняв.
Я стою,
и взираю с земли,
Как плывут в облаках корабли

Предстоящих забот.

Бьётся

в страхе

в груди

Сердце...

Вдруг прозвучит: «Отойди...

* * *

Ну вот ты и пришёл – страстей потоп...

Ковчег наполнен, Ной захлопнул двери.

И волны яростно клопочут возле ног...

Нельзя сказать, чтоб я совсем не верил

Во всё, что заповедал людям Бог,

Но всё тянул. Не прилагал старанья...

Терпению конец – пришёл потоп.

Разумные спасутся. Упованьем.

* * *

Пропитан духом времени мой ум,

Скорблю и плачу.

Я раб, привыкший к своему ярму

И не иначе.

И сколько б ни было добра и красоты
В Твоих чертогах.

Плестись путём широким среди толпы -
Моя дорога.

* * *

И сколько б раз не сел за стол я,
Умру. И больше ничего.
Не прикоснувшийся к престолу
Слепого сердца своего...

* * *

Достоин ада! – вот мой приговор...
Как жизнью я своей распорядился? –
Бесценный жизни дар с небес пролился,
А я унёс, украл его, как вор.

Достоин смерти – приговор за грех -
Испачкал всё, что вручено мне белым.
Где взять мне слёз, чтоб сердцем очерствелым
Пытаться вымолить прощение? У всех.

* * *

Твоих благодеяний слишком много
Для блудного и грешного раба.

Не заслужил я милости у Бога
И в вечные погибели дорогу
Мне предвещает судная труба.

* * *

Бог душу воскресил,
Оставив в теле мёртвом –
В пустой, убогой, грязной конуре.

Познав источник сил,
Лицом, от слёз натёртым,
Душа с надеждой обратилась горé.

* * *

Не учат ничему провалы и паденья,
Как непокорный раб я знаю только страх
И можжевеловую горечь отступленья,
Набившую оскому на зубах.

С понурой головой вернувшись к Господину
Я клялся в верности, канючил, умолял,
Чтоб ни на что не годную скотину
Он благостью Своей не оставлял.

И что же? Испросив с таким трудом прощенья,
Избалованный милостью Твоей,

Я выбираю вновь земные ощущения –
Давнишний беглый раб желаний и страстей...

Ты так и не занёс отмщения секиру –
Глядишь, как я творю очередное зло...
И на челе горит, невидимое миру
Позорное двурогое клеймо!

* * *

Каждое движение души
Делает пронзительнее боль:
– Отчего ты, сердце, так болишь?
Разве Бог, как прежде, не с тобой?

– Утешенья золотистый свет
Не сравнится с пламенем утех.
Он со мной, но я теперь не с Ним -
Разлучил нас совершённый грех...

* * *

Всё дальше вглубь по гибельной дороге,
Дыхание от страха затая,
Несли меня мои дурные ноги
И воля онемевшая моя.

Слова бездумные, решения без силы

И безрассудство странной слепоты
В конце концов свели меня в могилу.
Я умер мёртвым. Не умри ж и ты!

Цикл «Нерукотворённый храм»

* * *

Нет купола, нет свода, нет колонн
И сердце на престоле в этом храме.
Не человеком храм тот сотворён -
Невидимыми, Божьими руками.

Он вызван из глубин небытия,
Чтобы душе достаться дерзновенной -
Отцам обетованная земля,
Томящаяся неприкосновенной.

* * *

По жёлтой песчаной арене
Под солнца сжигающим зноем
Слоняются львы вдохновений -

Земное. Земное. Земное...

Тоскуют небесные окна,
Глядят напряжённо и ново,
Но зубы стирают волокна

Земного. Земного. Земного...

* * *

Неизвестному духовному отцу

о. Валерию Швецову посвящается...

Где живёшь ты, мой отец духовный,
Любящий нас, падших, как детей?
Без тебя во тьме земной, греховой
Не пройти мне между злых сетей.

Не пролейся дождь огня и серы
На мои Гоморру и Содом.
Где ты, мой наставник правой веры,
Кто подскажет улицу и дом?

Бог живых о мне устроит вещи
И услышу сердцем голос твой,
И душа невольно затрепещет,
Повстречавшись с искренней душой.

Ничего на свете нету лучше
Праведной спасительной любви...
Помолись же, отче, о заблудшем
И прими в объятия свои!

* * *

Ecclesiast

Искал тайны
Странной, необычайной,
Стирающей «и» под точкой...
Доколе не порвалась серебряная цепочка.

Искал веры
Рассчитывал на примеры,
Без них даже тайна – сказка...
Пока не порвалась золотая повязка.

Искал смысла
Стараясь не знать, не мыслить,
Не мерить на свой аршин...
Покуда не раскололся кувшин.

Искал. Тщетно.
Подкралась ночь незаметно
Остался один в лесу
Пора обрушиться над колодезем колесу...

* * *

Врачи ничего не нашли в моём сердце пустом –

Устойчивый ритм, простой механический треск.
Как будто не им я томился Великим Постом,
Как будто не им ликовал, что Господь наш воскрес!

Как будто не в нём расцветал покаянья букет,
Как будто оно не лилось благодарностью слёз.
Где логика? Вот парадокс! Где же верный ответ? -
Есть сердце у сердца! И имя ему – Христос!

* * *

Подойди к окну, попробуй улыбнуться.
Посмотри за горизонт событий.
Нам с тобой дано во сне проснуться
В мире неожиданных открытий.

Нам с тобой дано на этом свете
О сиянье горнем догадаться,
Будем незлопамятны, как дети,
Постараемся хотя бы улыбаться...

* * *

Крест или хлеб? Крест или кров? Крест или кровь?
Вопрос не снят с повестки столько лет!
Ещё я не готов, моя Любовь,
Дать ясный вразумительный ответ...

* * *

Ангелы, как дождь – не иссякают,
Только иногда перестают.
Глубоко под кожу проникают
Гимны, что в ночи они поют.

Дождь, как ангелы – настойчивый, невнятный
В выраженьях тихих и святых
Растревожил душу непонятный
Шелест его крыльев водяных.

* * *

До чего я дожил, Господи!
До сего святого дня.
Мокрых веток руки-россыпи
Убаюкали меня.

Переливы струн гитарные,
Звёзд оконное стекло...
Греет плечи кофта старая
И сердечное тепло.

* * *

Слишком рано для заутрени, но дождь
Выбивает из карниза благовест -
Звук похож на стук копыт небесной лошади,

Увозящей навсегда в чертог невест.

Не тревожься, перестань, напрасно ждешь;
Ты, душа моя, теперь из здешних мест;
Унимай таинственную дрожь,
Отложившая свой Богом данный крест...

* * *

Слова «монах» я отношу к себе,
Хотя не посвящён и не пострижен.
Сыт и благами мира не обижен,
Наоборот – счастливчик по судьбе.

Здорова, слава Богу, мать и жив отец;
И на руках жена качает утром дочку...
Но «путь домой вернувшихся сердец»
Пройти придётся всё же в одиночку.

* * *

В Пушкинском парке

Свет играет с волнами под сводами древнего моста;
И хрустит под ногами примятый веками песок.
Пахнет пряными травами – проникновенно и остро.
Режет надвое озеро памяти лёгкий челнок

Непрестанной молитвы... От дольного горЕ возводит...

Ветер дремлет в вершинах и воздух печален и сух.

Всё проходит... И места себе не находит -

Сирота в поднебесном, изгнанник в предвечном – мой

дух.

* * *

Ода женам-мироносицам

Рядом с нами – наши жёны. Кто оценит их труды?

Кто гасил огонь разжённый бурей в блюдечке воды?

Кто свидетель всех падений, вдохновитель всех побед?

Богу Богово, но нужно приготовить и обед...

Тяжело ты, Божье бремя христианского венца.

Кто тащил его сквозь время от начала до конца?

Женщин необыкновенных Бог беречь нам завещал.

Кто детей благословенных от утробы причащал?

Кто вскормил Святым Законом с материнским молоком

Наших чад неугомонных? Кто был строг в борьбе с грехом?

Кто тихонько управляя громче всех кричал «ура»!

Постепенно направляя путь наш в сторону добра?

Кто толкал нас на поступки, нажимая на рычаг?

Кто пошёл на все уступки, сохраняя свой очаг?

Кто за скромные копейки умудрился всех одеть

И при этом не сердился и старался не скрипеть?

Кто прекраснее Лолиты и заботливей чем мать?

Кто наш лик такой небритый не гнушался целовать?

Кто нам был всего полезней в нашей жизненной глуши?

Кто лечил нас от болезней тела, духа и души?

Чьи молитвы нас спасали, в этом жизненном лесу

В час, когда мы обвисали как сосиски на весу?

С кротостию голубиной кто мужей своих терпел?

Кто под маскою звериной образ Божий разглядел?

Это вы, наши невесты, в дом несущие добро...

До сих пор болит то место под названием «ребро».

Королевы наши Евы, нерукотворенный храм -

В холодильнике на полке яблок целый килограмм.

Даже если все их слопать, не поймёшь Добро и Зло,
В остальном же, слава Богу, нам с женами повезло.

Бог один... но вы, как боги – выбирай, не выбирай
Вы ж получите в итоге вожделенный вечный рай.

Он трудами был заслужен. Вот про то я и пою:
Приготовьте место мужу подле вас в своём раю!

* * *

Я лишь поэт – редакторы друзья.
Они читают и вздыхают: «Так нельзя!»
Вот Вы пришли и заявили: «Ерунда!»
Я не отвечу «нет», я верю в силу «да».

Стихи рождаются – стучится в сердце Бог,
Но будучи наивен и убог,
И глух и слеп от множества грехов,
Я вижу только тени от стихов.

Я слышу только шепот важных строк,
И сердцем обращаюсь на восток
Загадочной, таинственной страны...
Ведь Богу не слова мои нужны.

Вы правы, рифмы – дрянь, слова не те...

Но тени не увидеть в темноте,
И между строк мне брезжит этот свет.
Бог – Дух! Слова прейдут, а сердце – нет.

* * *

Стансы

Было время, я вставал с кровати
Упоением битвы опьянён.
Неужели ярости не хватит
Вброд преодолеть поток времён?

Вновь переживал своё рожденье.
Ждал с письмом заветного гонца.
Что осталось? Лень. Изнеможденье.
Ожиданье близкого конца.

* * *

Стропила

"Ненужный риск!" – мне мама говорила,-
"Сынок! Я не могу тебе простить! -
Ходить по перекинутым стропилам
На высоте, способной умертвить."

Но... разве я не прах, в пыли объятий

Рождённый, чтоб быть отданным греху?
Мой вечный страх и я – теперь не братья.
Он умер, я – остался наверху.

Найти себя – насущно, но не просто.
В себе самом я вижу блеск огня.
Куда б залезть, чтоб гордость, как короста
Отпала от небесного меня?!

* * *

Дремлет Днепр, журча над плёсами,
Ребятишек кличут к ужину
И небесными колёсами
Раздавило облак кружево.
Я люблю тебя, мой суженый.

Далеко за кряжи горные
С их зелёными низинами,
Где смешалось море чёрное
И другое море – синее
Моя память отнеси меня.

Что нам дни и расстояния,
Как не высохшая лужица?
Скорбный ангел расставания
С ангелом любви подружится.

Сердце птиц в небе кружится!

* * *

Сохрани тебя Бог от тяжёлых земных испытаний,
Сократи тебе путь, приводящий однажды домой,
Сбереги твою душу от смешанных с болью мечтаний
И от пагубной страсти добиться всё в жизни самой.

Умягчи тебе Господи отдохновения ложе,
И накинь Богородица сверху прозрачный покров,
Чтоб в какие б края не завёл тебя промысел Божий,
Предложи тебе люди и хлеб, и защиту, и кров.

Пусть не дремлет твой ангел, мечом отражая наветы,
И прольётся сполна на поступки твои благодать;
Да пошлёт тебе Боже понятные сердцу ответы
На вопросы, которые каждый обязан задать.

Награди тебя Вышний смиренной Своей простотою,
Да подружатся мудрость и кротость с твоею судьбой;
Сохрани тебя Бог, и твоею молитвой святою
Да избавлюсь я, грешный, от долгой разлуки с тобой.

* * *

Закладки выпадают из книг, забываются выписанные слова,

Память о них вытесняется болью разлук;
Я всегда поправлял тебя, если думал, что не права,
Оставаясь юнцом ни к чему не приложенных рук.

Вера в том и свободна, что можно не верить – не верь,
Что есть Бог. И что Он милосерден, настойчив и строг;
Целой сотней из тысяч ключей отворяется нужная дверь,
Сколько можно в кармане носить бесполезный ненужный
брелок?

Каждый миг между вдохом и выдохом полон любви,
Остальное – инерция длящихся в вечности дней;
"Скучен неизлечимо" – диагноз страшной ОРВИ -
Непрерывной молитвой становятся мысли о Ней...

Приключенья имеют конец, завершенье, финал,
Но движенье к нему, как попытка догнать горизонт;
Тех, кто знает наверняка, что все тайны узнал,
Ожидает музей и облезлый смешной мастодонт

По соседству... – набитый сухими опилками труп, -
Блеск пластмассовых глаз не похож на мерцанье звезды;
Долгий процесс приготовления капучино бессмысленно
глуп

Там, где достаточно пары глотков некипяченой воды.

Вероятности булькают, поднимаясь наверх сродни пугырькам -

Этот гигантский стакан так никогда и не будет допит,
И за каждый из выборов выбравший выплатит сам
Утверждением в мысли, что "он то уж точно не спит!"

Недостаточно жить, чтобы жить, надо каждый несделанный шаг

Пожалеть и оплакать, склонившись в раздумье к плечу;
Разгляди, кто твой самый знакомый и преданный враг -
Это все твои "поздно...", "нельзя...", "не могу..." и "хочу!.."

Так что если не хочешь (не хочешь!) узнать, что такое провал,

Невозможность понять и принять окончание собственных дней,

То замри. И застынет кружащий тебя карнавал.

А потом уходи. Без оглядки. Любым из возможных путей.

И счастливым, хотя б оттого, что успел увернуться от лап...

Что-то там, впереди!.... Ты же только иди. Сам иди и смотри.

Да разбудит тебя этот громкий назойливый храп,
Доносящийся изнутри...

* * *

Невидимая дорога,
Нечувствуемая нить...
– Послушай, ты веришь в Бога?
Нам есть о чём говорить.

Воспрянет душа-недотрога,
С замка упадёт печать...
– Послушай, ты веришь в Бога?
Нам есть о чём помолчать!

* * *

Последний звук умолкнувшей любви

Когда уйдёт печаль и скорбь и боль, самозабвения утихнувший прибой следы оставит на сыром от слёз песке... в тенях вечерних, в искренней тоске по неизбывному, но вечному Ему... я, дева, лиру нежную возьму и пропою тебе, усевшись на скале, как некогда за тридевять земель, в событийный круг невольню вовлечён, был в башне юноша навеки заточён, и было имя скорбной башни той Судьба, и на челе горел печальный знак раба... Пусть кипарисы изумруд кладут у ног, пусть раковины жемчуг отдадут, пусть станет золотом закатный тихий пруд – они печаль его не допоют. Пой, лира, пой, дрожжи струна, дрожжи, протяжным звуком в чи-

стой тишине рождая над пустыней миражи, целуя слух пасущихся коней, туман вечерних сумерек пройдя насквозь, навыйлет треснутой стрелой, ты снова, песня, упадёшь передо мной с бессилием железного гвоздя, которым навсегда прикован на- всегда, всегда – так будет до конца, волнуется, колеблется струна, густая тень укрыла часть лица... Остатки солнца канули во мглу за море из песка и облаков, и небо вдело Млечный Путь в иглу, чтобы дошить свой траурный покров. Крест-накрест лягут ровные стежки и сердце попадёт невольно в такт, и ящерица схватит хлеб с руки, и филин головой кивнёт "всё так!" Антарес положил у ног весь мир и руку Бетельгейзе протянул, но Гончий Пёс у ног её зевнул, холодным светом нехотя блеснул в ошейнике гранённый Альтаир. Летучей мыши тихие круги сжимаются венцом над головой, и выпала роса и на груди земли траву наполнила собой. А сердце знает боль души своей, и в радость не вмещается чужой, тревожный запах убранных полей в пустыне – лишь мираж над головой, напевы детских песен, половиц знакомый скрип, огромный старый дом, спиралевидные паренья белых птиц и палисад, заросший ковылём, всё это и любовь, и боль, и стыд, и власть желания, манящая любя, озон едва разряженных обид, мечтания наряженных себя, несбыточных капризов полумрак, волнение крови, вздох приговор, лай деревенских уличных собак, и колокол, и звон, церковный хор... наваяла звенящая струна и разрешилась тоникой в песок, на миг почудилось, что пенная волна,

разбилась о скалу у самых ног... Почудилось... откуда здесь вода, песок отдал последнее тепло и стало незаметно холодать, мутнеет запотевшее стекло и зябнет сердце, кутаясь в печаль – уютный одиночества покров, и гаснет догоревшая свеча, бросая тени в темноту углов. Открыта книга, пальцы сквозняков листают пряди новеньких страниц и стаи перезимовавших слов как строчки долгожданных южных птиц, уловленные за ноги петлёй стреноженные чудо-журавли... и воздухе – плывущий над землёй знакомый звук умолкнувшей любви.

* * *

К океану

Я стою у источника сил и желаний, Господь -
Малый, слабый ручей, собираясь бежать к океану.
Дай сил пропасть сомненья, неверия сон побороть,
Да стремиться, да течь дни и ночи пускай не устану.

И когда по равнине последних отмеренных дней
Разольюся просторною ширью с закатом играя,
Кто припомнит, что это – всё тот же ничтожный ручей,
Волей Божьей притекший к воротам желанного рая?

* * *

Погляди на меня.

Разве я от станка?
Разве я от звонка до звонка?

С того самого дня,
Как на искренний крик
Я поклялся придумать ответ

Этот всполох огня
Внутрь сердца проник,
Созревая в сияющий свет.

Посмотри на меня
И на каждый вопрос
Ты услышишь отчётливо «нет».

* * *

Бессонница

Я забывался сном на полчаса,
И снова вскакивал, и пил стаканом чай,
Как будто сон был смертью и душа
Боялась не вернуться невзначай.

Как будто век закрытых полутьма,
Как хлынувший на отмель океан,
Могла легко свести меня с ума

И унести, как заговор цыган.

Как будто что-то рвалось из груди,
Желая сбыться в этот самый час,
Боясь остаться грёзой позади,
Как это было с многими из нас.

Но шли часы, и снова забытьё
Свои распростирало рукава,
Баюкая сознание моё,
Шепча уютные и тёплые слова.

Я выбирался в тамбур и курил,
Вдыхая терпкий сигаретный дым,
И рифмы вслух себе произносил,
И словно был себе в тот миг чужим.

Я, как беременная, ждущая дитё,
Со дня на дЕнь исчислившая срок
И знающее отчество её,
Держал в кармане в клеточку листок

И ручку, полную нетронутых чернил,
Но улеем гудел в мозгах аул...
И так я никого и не родил,
Сгущалось небо... замертво уснул...

Но снова встал, и снова закурил,
И снова: сахар, чай... как ритуал.
И сам с собой о чём-то говорил,
И чьё-то имя тщетно призывал.

Немного закружилась голова
От стиснутой вагонной духоты,
И длинные-предлинные слова
Не обретали чёткие черты.

Будь между ними хоть один пробел,
Мне б много проще стало даже жить,
Я б разделить их запросто сумел
И в столб четверостишия сложить,

Но это был гранитный монолит,
Нет, нет, скорей бесформенный туман,
Чья неочерченность нырнуть в себя манит,
Как в утренний прохладный океан.

Поэт – почти безумец, но пока
Стоит на грани, прыгнуть не решив,
Ползут, как лёд весной, в строку строка,
Рождая образы невидимой души.

И в них он, удивляясь, узнаёт
Потёмки уголков чужих сердец;
Он то рыдает, то, смеясь, поёт,
То думает, умолкнув наконец.

Но почему, скажите, почему?
Когда взойдёт словесная трава,
Бывает страшно заглянуть ему
Куда-то дальше. Глубже. За слова.

Что кроется в молчании пустынь
Себя за горизонтом самого?
Поэт, не бойся, глупый страх отринь,
Войди душой. Один. Без ничего.

Отдай себя, как донорскую кровь,
Избавься от невидимых оков,
И разгляди безмерную любовь,
Заждавшуюся дерзких смельчаков.

Оставивших и логику, и смысл,
Но не утратив пульса бытия.
Где тела нет, там торжествует мысль,
Невидима, как чистая струя.

Вбирая очертанья форм любых

И не имеющая собственных границ,
Рождённая из-под глубин простых
И в бесконечность превращающая их...

Вернулся... тяжелела голова,
Глаза уже слипались всерьёз,
И не давал вполне сойти с ума
Пунктирный перестук стальных колёс.

На полках люди – лица и тела,
Носились по проходу чьи-то сны,
И проводница, кажется, спала,
И потолки казались тесны.

И синий сумрак ночи за окном
Манил забыться и закрыть глаза,
И стать ещё одним пустяшным сном...
И вроде всё подталкивало «за».

Так что же захлебнуться не даёт
Густой, как простокваша, темнотой?
Куда уходит жизнь? На час умрёт,
Когда заснёт? – Вопрос почти простой...

Но некого спросить о том, что жжёт,
Верней горит, как маленький огонь,

Кто искру мысли нежно бережёт,
Зажав её в сердечную ладонь?

Увы, увы, поэт – всегда один –
И в подтвержденье – чей-то сочный храп –
Поэт стихам своим не господин,
Не друг, не соглядатай, и не раб.

Он пьян стихами (выпил их ведро),
Они – его неведомая боль...
Поэт, ты чьё скрипучее перо?
Ужели Бог царапает тобой?

Когда, на нужной грани замерев,
Где нужно истончить, как волос слух,
От собственного страха озверев,
Ты возвращаешь свой трусливый дух

К предметам, как к тяжёлым якорям,
Дают успокоение они...
И только где-то там горят, маня,
Неведомого призраки-огни.

Абстракция, к тебе привычки нет,
Но по сравнению с этим ты груба...
Как рассказать про нежный дивный свет

У языка позорного столба?

Ну что, сдаёшься? Спи. Усни, как все.
Прибавь своё к гробнице сонных тел.
Ты был на пограничной полосе,
Но пересечь её не захотел...

* * *

Как лозу виноград, как налитые яблоки – сад,
Как колосья бессчётные – ждущее жатвы жнивье,
Как хрустальные слёзы глядящие в небо глаза,
Наполняет любовь одинокое сердце моё...

* * *

Я человек земной из глины и дыханья,
И разве только блеск поднятых в небо глаз
Невольно выдаёт любви иной признание,
Или невольный вздох на окончаньях фраз.

Я не внимаю снам, несущим утешенье,
И каждый прежний стих на будущий похож.
Мне б только заслужить спокойное прощенье
За то, что ты меня, когда-нибудь найдёшь.

И нить своей судьбы вплетёшь в тоску о Боге, -
Ведущую меня сквозь паутину лет –

Неброские цветы срывая по дороге

И пряча нежный взгляд в невянущий букет...

Цикл «Из купели»

* * *

Текут, как капли дождевые, дни.
Им несть числа... но бег их быстротечен.
Отчаянье взывает: "Ты не вечен".
Сомненье шепчет: "Мы с тобой – одни".

Идущие тропой последних дней,
Путём скорбей, во мгле самозабвенья,
Не ведают ни ясности ученья,
Ни помощи святых учителей.

Но от стыда поднять глаза не смея,
Ни плакать, ни молиться не умея
Прошу у Бога только одного:

Не домогаюсь времени без меры...
Позволь взойти крупице малой веры,
Упавшей в почву сердца моего...

* * *

Невидимая брань

Я как фрегат
Во время жаркой битвы –
Шепчу слова
Спасительной молитвы:
«Хранитель-Ангел,
Богом данный, помоги...»

Сквозь щели хлещет грех,
Воды полны ботфорты,
Трещат шпангоуты,
Корабль идёт на дно...

В проломанные борты
Врываются усталые враги...

* * *

Бог – это значит "Болий" –
Больше всего на свете.
Не знать ни Тебя, ни боли –
Значит – пускать на ветер,

Не оценив пропажу,
Жизнь журавлём бумажным...
Всё остальное – тщетно.
Вымышленно. Неважно.

* * *

Дождём освящаются листья.
Слезами – душа.
Важнейшую вижу из Истин
В глазах малыша:

«Пусть каждый отыщет дорогу
Сквозь тьмущую тьму
Ко Мне. Всемогущему Богу.
Творцу своему.»

* * *

Вы ещё надеетесь спастись.
Вы ещё надеетесь стать лучше.
В небеса однажды вознестись,
Не преодолев туман и тучи.

Это значит: Вы не на пути -
Топчетесь, а надо бы идти,
Громоздя сомненье на сомненье...

Чтоб, познав в себе позор паденья,
Немощь воли, бездну бездн греха,
Жуткую порочность отступленья,
Возопить: «Помилуй, Боже, мя!»

И не ждать, заслуженно, прощенья...

* * *

Труд поэта – стихи,
Труд идущего – путь,
Труд монаха – молитва к Отцу.
И слова, и дороги когда-да-нибудь
Неприменно подходят к концу...

* * *

Черёмуховый цвет – привет из рая;
Тончайшим лепестком играя
Доносит ветер аромат иной земли –

Невинной, нежной, чистой и прекрасной...
Всё знаю глубиной, всё понимаю ясно.
О сердце! Самому себе внемли!

* * *

Дома книги на полках -
В них разные люди мечтали,
Как к окраинам мира
Свои поведут корабли.

А обычная жизнь
На мечту похожа едва ли;

И недолгая, словно
Оттенки ушедшей зари.

Незнакомые люди
По каменным ходят тропинкам;
Истуканы кирпичных домов
На привычном посту,

Я сижу на газоне,
Укрытый плащом-невидимкой,
Силясь в собственном сердце
Найти золотую мечту.

* * *

Я не уйду – сейчас другие времена;
Я молча растворюсь, когда иссякнут силы,
Где между лепестков немая тишина
Надёжно и светлó извечно притаилась.

Спасибо Богу, даровавшему нам путь
И эту тишину пустот в нигде парящих;
И это сердце, прозревающее суть
За чередой слов и дел. Ненастоящих.

* * *

Я начинаю понимать

Целительную суть скорбей,
Но ни терпеть, ни принимать
Из Божьих рук не научился.

Спасительная благодать,
Тобою дух мой исцелился.
Твоя сестра – печаль. Но я
Нисколько не сроднился с ней.

* * *

Молитва

Шёлково, крыльями бабочки,
Трепещет душа молитвою:
Господи Боже, смилуйся,
Истомлена я битвою.

Свет – чистота бездонная
Режет меня, как бритвою.
Долго была без дома я –
Сделай мне дом молитвою.

Страшно до осторожности,
Больно до невозможности...
Только не отпусти меня –
Вынесу нестерпимое

Перенесу все ложности,
Переживу все сложности,
Только не отпусти меня.
Только не отпусти меня...

* * *

В храме тихо и темно;
Ночь глядит через окно.

Долгий взгляд немой иконы
Проникает до костей;
Затаилися драконы
Необузданных страстей.

То ли дымка, то ли дым;
И охота стать другим...

* * *

Великие духовные законы
Успеют отыскаться впереди...
Как бьётся сердце сквозь бумажную икону,
Доверчиво прижатую к груди!

* * *

Научиться любить можно только ценой потери,

Ведь любовь, как гора, упирается в небеса,
Оставляя ошибки камнями лежать в ущелье,
Где слезами на горных склонах блестит роса...

* * *

Я верю – Бог заботится о нас.
Уверенной отцовскою рукою,
Скрывая доброту от посторонних глаз,
Ведёт дорогою, зовущейся Судьбою.

* * *

Как трудно угадать
Средь суеты и дней,
Наполненных заботами о бренном,

Живую благодать;
И раствориться в ней,
Живя в простом, как в необыкновенном.

* * *

И логово страстей,
И яма змей,
И смрадный погреб зла...
Прости меня, прости

Услышь.

И посети.
И приходи скорей, -
Неложно обещавший нас спасти.

Твой лучезарен взгляд,
Твой светел лик,
Тоскует дух, изнемогает плоть.

Я не хочу назад,
Услышь мой крик.
Приди ко мне Спаситель и Господь.

* * *

Сердце способно вместить мир!
Непостижимо, правда?
Рано. Рано затеяли пир
Клевреты душевного ада.

Скорбь и лишения перенеси,
Боль превращая в радость.
Сердце способно вместить. Проси
Духа Святого сладость.

* * *

Я глуп, не выдавай меня, язык.
Раскрытый рот закрыть – всегда пора.

Досадно, что легко к углям привык
От совести потухшего костра.

Я трус, не выдавай меня, мой страх,
Невольной дрожью проникая в кровь...
Как сможем мы не сдаться на кострах,
Когда нас позовёт Его Любовь.

* * *

Я вижу Крест, вознесшийся над миром,
И небо, потемневшее от горя.
Все так и было. Нет сомненья – было!
Молчу. Не спорю.

* * *

Храмы... Они всегда с нами...
Двери призывно открыты.
В полумраке, манящем свечами,
Торжества позолота разлита.

Отчего-то подспудно страшишься
Куполов, украшенных звёздами.
Однажды всё-же решишься...
Лишь бы не поздно...

* * *

Боже милость льёт сквозь сердце,
Сердце тёмное во мне.
Остаются только тени.
Только тени на стене.

* * *

Мне, губящему дни в суете,
Шелестели деревья: всех прости
И расти.

Облака, словно рыбы
На тверди небесной реки:
Устремись и теки.

Краски нежных цветов,
Как раскрашенный дым:
Будь на пользу другим.

Птицы.
В щебете горнем своём:
Не скорби ни о чём.

День немного горчит,
Одеваю пальто;
Как вы можете думать, наивные, что

Бог молчит...

Цикл «Они и мы»

* * *

ОНИ нас изучили за столетья,
МЫ с допотопных пор ничуть не изменились -
Наивны, падки, предсказуемы, как дети
О Боге и о вечности забыли.

Зловещие недобрые объятья,
Невидимая глазу пантомима.
МЫ посылаем им угрозы и проклятья,
ОНИ свой адский труд вершат неутомимо.

* * *

Отойди от меня, сатана!
Я покаюсь. И ты ещё можешь,
Или будет с тобой война,
На которой ты изнеможешь.

Вот, к груди на нитке приник
Крест Святой – превозмочь не сможешь.
И Пречистой небесный лик...
Я не твой, сатана, я – Божий!

* * *

И счастья, и ужасы жизни земной
Однажды останутся за спиной
Вместе с самой спиною.

В этот – тот самый последний час.
Наши поступки осудят нас.
И обличат виною...

Ты затрепещешь, душа, задрожжишь,
Но никуда ты не убежишь
От мыслей и дел своих своих.

Чтоб не случилось тебе скорбеть
После того, как пришлось умереть –
Вдумчиво выслушай стих.

* * *

Теряющий время по каплям, как раненый зверь,
Кружа и петляя в напрасной попытке уйти,
Однажды сдаёшься. Охотник – всегда и теперь,
До тех пор, пока ты без Бога... – на шаг впереди.

* * *

В одной душе
Двоим нам места нет,

Двух жизней не прожить -
Един конец пути.

Я – темнота, Ты – жизнь.
Я – смерть и прах, Ты – свет.
И можно выбирать:
Остаться иль уйти...

* * *

Смерть не внезапна.
Каждую осень мы просим:
Лето, останься...
Жатва.

* * *

Ни проруби, ни полыньи -
Скольжу по корке сердца Словом
Благоухающим. Святым.
С рабов снимающим оковы.

* * *

св. преп. Симеону Печерскому

В полутьме по пещерам скитаясь,
Раскрытой ладонью сводов касаясь,
Может быть, среди тысяч и тысяч я видел тебя.

Я спасаюсь... наверное. Да, видит Бог, я спасаюсь.
Имя Божье в надежде твержу,
Больше мира свободу любя.

Ты теперь там, где Бог восседает на троне.
Мир и тело оставив, ты стал ещё более жив.

Моли Бога о нас, отче наш, Симеоне,
Сквозь бессмертие пальцы
В благословенье сложив.

* * *

св. преп. Марии Египетской

Ты была блудницей, а теперь – святая.
Вольной белой птицей в облаках летаешь.
Разглядела в сердце Божию святыню
И ушла от смрада городов в пустыню.

Помоги, Мария, сердце в страсти гибнет.
И душа чернеет, словно в ней Египет.
Искушение битвы – тяжела дорога.
Донеси молитву до благаго Бога!

* * *

О безумства бездумные юности глупой моей!
О желания жадные! О себялюбия страсти!
Я, один из людей на забвенной планете Твоей
Говорю тихо в сердце: Прости. И спаси от напасти.

* * *

В земных заботах исчезает небо.
День завтрашний окрадывает ширь.
Забыв о долгах, спрашиваешь хлеба,
Держа в руке закрытую Псалтирь.

Святая Дева, в час проникновенья
Взываю, недостойный раб, к Тебе –
Не дай душе моей успокоенья,
И полагать сокровище в борьбе,

А не в словах... Учи меня сурово -
Желать и помнить только одного –
Быть в смертный час спокойным и готовым...
В ужасный час исхода моего.

* * *

Отрину всё, чего хочу,
И зря мечтаю.

Зажги, Господь, мою свечу –

Пускай истаю.

Впиши, Господь, души моей
Земное имя

В заветный лист тех, кто с Тобой.
Тех, кто не с ними...

Цикл «По дороге в Дамаск»

* * *

В каждом провинциальном городе
Есть рельсы, уходящие вдаль;
На крайний случай есть утро,
Сияющее чистотой...

А значит – нет человека,
Который совсем бы не знал,
Что мир – это только повод
Для встреч со своей душой.

* * *

Бог беззубого сердца

Тихо-тихо откроется дверца
И бесшумно войдёт
Бог беззубого сердца.
Бог великих щедрот.

* * *

Желтая проседь, небесная просинь.
Лето стареет, последняя осень

Вдруг наступает. Сменилась погода.
Вышел хозяин – бесплодные годы

Древа пустого срубим под корень.
Рядом садовник – строг и покорен.

Сабли холодной тонкое жало.
Время рассеялось, времени мало.

Время – возможность, а не проклятье.
В пламя вметают ветхое платье...

...

Но иногда... если добр Наследник,
На год ещё оставляют. Последний...

* * *

Для Христа, за Христа
Не сходите с креста,
Вам врученного Богом предведым.
От сомнения совесть пусть будет чиста,
Истощая терпением беды.

Солнца вечного свет
Озаряет сердца,
Претерпевшие кротко лишенья.

Для Христа, за Христа
Донеси до конца
Жизнь, как крест,
Как Христа продолженье.

* * *

Господи, потребуются годы,
Чтоб вернуться к твоему порогу.
Обещанье будущей свободы
Будет нам указывать дорогу.

Искренность заменит нам лампаду,
Отгоняя призрачные тени.
Вот что только для Спасенья надо –
Годы постоянства и терпенья!

* * *

И каждый раз неведомо откуда
Прощение приходит. И тепло
На сердце от свершившегося чуда,
От доброты и милости Его.

Мерцают мирно в полутьме лампы,
Всё чинно и размеренно, как встарь,
Прощенье получив – залог иной награды,
Заплакать ухожу в алтарь...

* * *

Мы Богу задолжали доброту,
И о прощении просить не вправе,
Давно переступив предел, черту,
После которой можно всё исправить.

Но милостивый всемогущий Бог,
За искренность готов покрыть всё пылью.
Ладонь на голову повинную кладёт,
Накрытую епитрахилью...

* * *

Вдруг входит мысль и всё осиявает,
Спускаясь словно волосы к плечам...
Я в этот миг зажмурясь подставляю
Своё лицо невидимым лучам.

И взгляд становится и влажным, и безбрежным,
И сердце наизнанку рвётся к ней -
Руке, перстом невидимым и нежным
Коснувшейся легко души моей.

* * *

Когда я вижу: люди со свечами
Стоят, молясь подножию Креста,

Я исполняюсь искренней печалью
О мире, не увидевшем Христа;

И за невероятной крестной мукой
Не разглядевшим милости Отца...
Кольшутся огни, трепещут руки,
Освещены... Освящены сердца.

* * *

Ты позвал меня, Боже, возлюбленный мой, -
Голос тихо звучал, звонко капало с крыш, -
По дороге в Дамаск – он у каждого свой, -
И я тоже спросил: что Ты делать теперь повелишь?

* * *

Холодный, тёмный, мрачный, очерствелый
Я прихожу к престолу Твоему –
Дух еле теплится, довлечет тело,
Душа перечит и противится уму.

И капелька за каплей в смертной сени
Глухого сердца водворяет мир
Христа распятого ожившее ученье –
Таинственный и вечный эликсир.

* * *

Баржа

Оставь, что было навсегда,
Начни опять с нуля.
Пусть жизни тёмная баржа
Без вёсел и руля

Плывущая по воле вод,
Течению вослед
Поднимет парус! Воздух жжёт
Совсем иной рассвет...

* * *

Пахарю

Прах земли и дыханье Твоё –
Всё, что есть у меня.
Подавая земле бытиё,
Приближенье огня

Осушило утекшие вспять
Реки искренней лжи.
Станет почвою грязь. Поддержи.
И зерно положи...

* * *

Они навеки примирились: Бог
И человек, паденьем отуплённый.
Об этом пел века назад пророк,
И праведник молился иступлённо.

Они навеки вместе: Человек
И Бог, в которого он всей душой поверил.
Ликуйте ангелы! Окончен смертный век.
В иную жизнь для всех открыты двери!!!

* * *

Рождество

Вот и ты! – долгожданная
Первая с неба звезда,
Вифлеемским сиянием
В мир приносящая мир.
Десять жизней пройдя,
Я и вмале Тебе не воздам,
Ибо жалок и слаб,
Непотребен, никчёмн и сир.

Бог пришёл в полумраке вертепа,
В безлунной ночи.
Пой, ликуй, веселись
Или слёзы горячие лей,

Умиляйся, смущайся, робей
Восторгайся, кричи...
Только быть равнодушным
К небесному дару не смей.

* * *

Как жизнь сложна и многогранна;
Как просто с Богом в тишине!
И, совмещая соль и рану,
Страдая, верить не устану
В завет, обетованный мне.

* * *

Любовь возвращена – держу в руках дрожащих,
И слёзы капают признательно из глаз,
За что простил Господь убогих и пропащих?
За просто так. – Он любит. Любит нас!

* * *

Странник

Подожди ещё немного
И пойдёт своей дорогой

На чужих все ноги стёр.
Догорает, как костёр

Прошлых дней одна минута.
Медлит странник почему-то.

В небо к утренней звезде
Нет путей. И путь везде.

Позабудет сон и время,
Скорбь презреет, взвалит бремя.

Наступил всему предел –
Только пыль, где он сидел...

Цикл «Густая темнота перед рассветом»

* * *

Сотворил Ты меня странником,
А живу я горожанином.
И дела мои пространные,
И детишек нарожали мы.

Горько плачет сердце русское,
Возвращаясь в ад столичности...
Превратившее судьбу свою
В добывание наличности.

* * *

Неужели мы – люди последних времён?
Если нет, почему мы слепее котёнка?
Отчего, странной тяжестью обременён,
Разум бродит, как призрак, в опасных потёмках?

Почему наша воля – души дезертир,
Верный признак – её роковая беспечность...
И нелепая гордость поглотила весь мир,

Не оставив нам шанса познать бесконечность.

* * *

В душе, где гнездится порок
И ложь громоздится на ложь
На ощупь найдёшь ты порог,
Замок заржавевший толкнёшь
И выход на свет обретёшь.

Луч пыльный войдёт в полумрак,
Как лезвие в холмик земли,
Что злой и неистовый враг
И годы, прожитые так
На сердце твоё нагребли.

Чьи слёзы сквозь толщу песка,
Сквозь доски, истлевшие в прах
Коснулись слепого лица?
И чья оживила тоска
Всевечной погибели страх
Забывшего свет мертвеца?

* * *

Ты желала мне смерти, моля прекращения мУки,
Самолюбие чёрным конём, изрыгающим пламя,
Пронеслось, отбирая дыхание где-то за нами,

Я не смел обернуться, лишь замерли сердце и руки.

Пусть опять ошибаюсь, слова предавая забвению,
В той бесплодной пустыне, где дух как слепец ковыляет,
Бог нас лечит друг другом, одних иногда исцеляет,
А другие... способны любить несмотря на мученье...

* * *

В искусственном мире, далёком от рая
В обычной квартире душа умирает.

Мечтала она о любви и свободе,
Но мир не пускает, а время уходит...

Мир сети расставил из лжи и обмана:
Страстей облака, заблужденье тумана.

Свободою названы липкие сети,
И мы подчинились, поверив, как дети.

Всё крепче страданье, всё туже объятья.
Сжимаются кольца греха и проклятья.

Испачканы души – небесные платья...

* * *

Цена непростенья

Ошибки, как тяжесть, набрякнут за несколько лет,
И треснет фарфоровой чашей судьба на двоих,
И, вспыхнув, погаснет святой немерцающий свет,
И станет кусками писавшийся втайне триптих.

Цена непростенья, увы, как гора высока,
Её каменистые склоны опасно круты,
И горечью слёзной кропят её пик облака,
И холодом веет от страшной её высоты.

Бросаешь грести – и течение на скалы несёт,
Ни щепок потом не отыщешь, ни белых костей,
Отринувших помощь надежда уже не спасёт...
Прощанье – ты плот, а прощенье, как чайка над ней –

Возможностью силой смиренья вернуть всё назад.
Молчанье – секира, слова равнодушья – палач,
Но ты закрываешь, как страус, пустые глаза
И прячешь в песок откровенье своих неудач.

Ошибки! Вы, капля за каплей вонзаясь в гранит,
Проходите насквозь заржавевшим веретеном,
Пока не окажется, что милосердие спит,
И вслух приговор прозвучит: «мне теперь всё равно».

Осеннее небо, как дымкой, затаит тоской,
И выбросят волны обломки на илистый плёс.
Сижу, собираю осколки картины былой
И режу ладони, не чувствуя боли и слёз....

* * *

Святая чистота сдалась и отступила,
Поникла чашечка невинного цветка.
А опытных веков безжалостная сила
В порыве яростном топтала и давила
Два беззащитных и смиренных лепестка.

Когда же смолк устало топот ног,
По матери-земле... Чего уж проще...
Вздыхнул предвидевший паденье Бог,
Но уносил тяжёлый кирзовый сапог
Цветочную пыльцу в неведомые рощи...

* * *

Конечно, мир ещё не ад,
В нём есть добро и зло.
В нём есть остатки красоты –
Нам очень повезло.

Конечно, мир ещё не смерть,

Не слово «отойди!»,
Покуда сердце может петь
И трепетать в груди.

Мир – это выбор, это шанс:
Спеши и выбирай...
Но только мир уже не жизнь,
И точно, что не рай.

* * *

Дней бездонный кувшин

Для меня этот мир, как луна – словно нечем дышать;
Будто солнце померкло в пространстве колючей звездой;
Всюду пыль мелочей и никчемных забот суета
Дней бездонный кувшин переполнила только собой.

* * *

Человек свыкается со смертью,
А тем более, свыкается с прощаньем,
Только, если сможете, не верьте
Первым, самым ярким обещаньям!

И когда недели дней клещами
Бросят в топку раненое сердце,
Вспомните, что знаки предвещали

И закройте, не обжегшись, дверцу.

Жизнь без сердца в наши дни не внове,
Но, глядящим в небо голубое
Для вращения терпеливой крови,
Если нужно, Бог даёт другое –

Обожженное в невидимом горниле,
Крепкое от боли и утраты,
И вливает радостные силы
В ставшее свободным и крылатым...

* * *

Ветер осени вьёт напраслину,
Листья клёнов облиты вином...
Неужели мы будем счастливы?
Страшно... счастливы в мире ином.

Кратковременны жизни тяготы
Для умеющих подождать...
Раскраснелись на ветках ягоды,
Листьям – падать, им – зимовать.

* * *

Скорбная последняя дорога
Выложена хвоей и цветами,

От порога дома до порога
Города любви за небесами.

Сколько б ни прожить – их всё немного –
Дней, ведущих нас в объятия Бога
После подведения итога...
Жизнь – дорога, смерть – опять дорога.

* * *

Умирает родной человек, разжимаются руки.
Небеса не слепы, уповайте на милость Небес.
До свидания там, где не будет скорбей и разлуки
И исполнены дни бесконечные Божьих чудес.

* * *

На могиле свежей замерзают розы,
Проживают слёзы свой короткий век,
И звучит насмешкой «никогда не поздно»,
Потому что время прекратило бег.

Сквозь сырые ветви дождь осенний каплет,
Небо сжало веки скомканным холстом,
Траурные клёны черноногой цаплей
Обступили насыпь с новеньким крестом.

На могиле свежей замерзают розы,

Нежные бутоны, вам не расцвести!

Для того однажды наступает «поздно»,

Чтоб душа сказала: «Господи, прости!»

* * *

Как вспышки сиреневых молний виденья

Осветят бесплодную душу мою.

Залитые грязью дороги мышленья

Влачат по низинам свою колею.

Невспахана степь безпризорного сердца,

Пейзаж удручает – безвиден и пуст

Умчавшимся прочь табуном иноверцев

Растоптан ещё зеленеющий куст.

* * *

Миражи, миражи, миражи... – никакая пустыня

Не сравнится с объятым страстями ослепшим умом.

От нахлынувших призраков сердце беспечное стынет,

Укрываясь, как дымкой, забвения тягостным сном.

* * *

Безлистных крон немые привиденья

Скользят печально в чердаках ума

Травы зеленой сон – как заблужденье:

Да будет ли? Да есть вообще зима?

Зима придет. – Холодной и суровой
Покроет душу плотной пеленой...
Дай Бог тогда нам быть к тому готовым,
Мой милый друг, попутчик добрый мой!

* * *

Раскинув руки и ноги
Лежу и гляжу на звёзды
И нет никакого "рано"
И нет никакого "поздно"

И нет никакого тела
И нет никакого дела
Куда и зачем одиноко
Душа моя полетела...

* * *

Я – город, населённый чужеземцами,
Разнuzданными, пьяными смутьянами;
Их жёны простынями-полотенцами
Увешали зубцы на башне каменной.

Их дети от грехов отцов сутулятся –
Их вопли, будто крики птиц встревоженных;
Злой ветер гонит мусор вдоль по улицам –

Испачканным, тоскливым, неухоженным.

Я до краёв наполнен безобразием,
Страстями, нищетой, простолюдинами;
Их вера – одичалая фантазия,
Оставившая Бога Триединого;

Исполненные безрассудной дерзости,
Дешевою отравой оглушённые
Они творят бесчисленные мерзости,
Чтоб замереть вконец опустошёнными.

И в сонной темноте с тяжёлым воздухом,
С тенями для прохожего опасными
Нет умиротворения, нет отдыха –
Горят их окна отсветами красными.

Но в тишине, пресыщенной объятьями,
Доступными простыми утешеньями
Я слышу голос, называющий их братьями,
Прозящий отпустить им прегрешения.

Моя судьба висит на крае волоса,
Но замер грозный ангел у околицы,
Прислушиваясь, как в ночи вполголоса
В закрытом храме сторож старый молится.

Любовь и боль перемешались в голосе.
Я слушаю, помочь ему в бессилии,
А херувим сжимает меч на поясе
И слёзы наполняют очи синие...

* * *

Он говорил о глупости любви,
Тряся солонкой над тарелкой с супом;
Был у него предельно важный вид,
Но сам при этом был по-детски глупым.

Сказала в сердце «время расточать...
И время собирать... душа, что скажешь?...»
«Пришла твоя пора благоухать!...»
Захочет сердце... сердцу не прикажешь.

Так мы и жили: город... суета....
Круговорот... Откуда брались силы?...
И мне достались рифмы и цвета...
Ну и любовь... ведь я его любила!

Порой с утра, колючий, словно ёж,
Он размышлял о разуме Вселенной -
Он мыслил её, как большой чертёж,
А я – как свет огня Любви нетленной.

Он прав. У каждого из нас особый путь,
Не все его проходят в этой жизни.
Я никогда его не смела упрекнуть,
И даже не глядела с укоризной.

Стеснялся чувств, и страсти презирал,
Желая подчинить себя рассудку...
Но вечером рассудок засыпал...
А утром всё легко сводилось в шутку.

Он заводился иногда, кричал:
«Здесь норовит тебя обставить каждый!»
Дрожали руки... я пролила чай...
Подумала: «Бог даст, поймёт однажды...»

Я знаю. Знаю... за свои грехи
Я заслужила жизнь и ту... и эту...
Тайком на кухне пишутся стихи,
Накрытые вчерашнею газетой.

Мы были не расписаны – семья...
Ответственность... забота, – что вы! – дети...
Он был большим ребёнком для меня,
Я ж всем старалась стать ему на свете.

...

Нам повезло: мы умерли вдвоём...

Машина... 150... нетрезвый встречный...

Я – с заднего сиденья, он – с рулём,

И каждый – с тем, как думал... взмыли в вечность.

Наш Бог – Любовь! Врата... Стоим вдвоём...

Его как-будто что-то не пускает...

Я говорю ему «не бойся...» и «идём...

Отмоем землю с душ... невиданным дождём!»

Стоит. Молчит. Руки моей не отпускает...

Цикл «Бесконечность возможных начал»

* * *

Настанут времена, когда мы дострадаем,
Просохнет на щеке слезы последней путь,
И птица запоёт о дне, что ожидаем,
И светом неземным проступит жизни суть.

Ну а пока глаза твои полны слезами,
И не настал тот день победного конца,
Взгляни на небеса, плывущие над нами
И ждущие любви, исполнившей сердца.

Сиянье звёзд, как боль, пронзает мирозданье,
Забытым языком беседуя с тобой,
Взгляни на небеса, небесное созданье
И заново пойми пути любви земной.

Коротких вечеров солёная прохлада
Не достигает душ, горящих в глубине.
Взгляни на небеса, любви моей отрада,
И не печалься зря об уходящем дне.

* * *

О, дней моих немислимый дневник!
Чтоб жизнь зазря не растерять в нигде,
Пишу слова на медленной воде, -
Обрыв – мой храм, река – мой духовник, -
Текущей вдаль серебряной воде...

Травинки доброты несёт поток,
Перо заботы не коснётся дна,
И лепестки любви – таков наш Бог –
Не оборвёт надломленный цветок,
Курящегося не угасит льна...

А все, рождённые из гордости земной
Обидные и горькие слова,
Камнями опускаются на дно,
Корягами цепляют острова,
Таков наш чёрт – ему не всё равно...

Естественных законов оборот
Нагляден и понятен, хоть и строг,
А в небе улыбнётся и кивнёт
Людей свободой наделивший Бог,
Глядящий сверху на души росток...

* * *

Окутывает сладкозвучьем многоголосый хор сверчков,
От шерстяной угрюмой тучи осталось несколько клочков,
Земля гудит неявной дрожью на первобытной частоте,
На горизонте осторожно прижались башни к темноте.

Прохладные сгустились звуки, молитву полумрак творит,
Дома подняли к небу руки, держа лампы-фонари,
Дрожь проникает в поры тела, её почти что не унять...
И этот миг окаменелый мне ни запомнить, ни понять.

* * *

Стихи, как дыханье: похожи, но неодинаковы,
Один за другим из невидимых сердца рождаются,
Ложатся под ноги, как сон патриарха Иакова,
А некто, внимая, на миг над земным поднимается.

Откуда в душе моей грешной такое старание? –
На каждой ступени становится ярче сияние,
Трепещет, как птица, внимая чужому страданию
И плавится сердце, и льётся ручьём покаяние.

В косицу свиваются строки сердечными нитями,
Узорную ткань ожидания под ноги стелящие,
Ведущую к горней, незримой, но светлой обители,
Где быются сердца, а слова, как стихи – настоящие.

* * *

Далёкий лай собак, густые тени,
Безоблачного неба простота.
Просёлочных дорог хитросплетенье.
И лёгкий холодок
Нательного креста...

* * *

Собачий лай многоголосым эхом
Увяз в лесу...

Усы покрылись инеем – потеха!
Ведро несу.

И солнца лик трепещет, отражаясь
В парной воде...

Потом – стою подолгу, поражаясь
Нездешней нежности,
Разбрызганной везде!

* * *

Бог создал мотылька
Летящего на свет
Горящего огня

И плоскость потолка,
Чтоб удержать от бед,
А значит – для меня.

Бог создал по росе
Во весь немой опор
Бегущего коня,

Чтобы воспрянул взор
Идущего к Нему,
А значит – для меня.

Бог создал град и гром,
Громаду из грозы,
Ползущую гремя,

Чтоб чувствовать Закон,
Знать время для слезы,
А значит – для меня.

Ромашки-васильки...
На каждой высоте
Качаются, звеня,

Чтоб плакать от тоски

Томясь по красоте,
А значит – для меня.

И бледный диск луны,
И солнечный рассвет,
И честность красок дня...

Чтоб прекратились сны
Родившегося в свет...
А значит... для меня!

* * *

Звёздным светом, как пылью снежной
День пропитан почти насквозь.
В эти поры мирами между
Молоко любви пролилось

И застыло, как взгляд на закате,
Белым грунтом легло на холсты,
Как простая льняная скатерть,
На которой стоят цветы...

Это стихотворение было написано в Русском музее. Я брёл себе из зала в зал, и вдруг моё внимание буквально захватили две картины, висящие рядом, абсолютно разные, даже по жанру.

Одна из них была натюрмортом, а вторая – пейзажем... Я почувствовал странную неведомую силу, льющуюся из них. Сами эти картины были словно два окна в единое пространство за ними, взаимосвязанное, живое, настоящее. Я замер, буквально, застыл. Стою и пытаюсь понять, что же это за колдовство такое повсюду разлито...

Бабушки-смотрительницы через некоторое время обратили на меня внимание – собрались группой, вижу боковым зрением, что тоже на картины смотрят, пытаются понять, что этот бородатый дядя в них нашёл – они же на них по двести раз в день глядят! Потом поняли, что не в картинах дело, а в дяде! – стали какие-то движения совершать руками и телом, как в фильмах, когда проверяют реакцию зрачка на свет, мол не умер ли...

Пришлось пойти на тактический ход – выйти в дальнюю дверь и вернуться, пройдя по кругу почти бегом, – так разволновался! Но, когда я вернулся, смотрительницы уже разошлись. Я встал на всякий случай за перегородкой, где меня не было видно работникам музея и смотрю. Волшебство не исчезло, даже как будто осязательней стало... И вдруг меня как пронзило – любовь! Любовь там, на этих картинах, всё связывала, соединяла, проникала и во всём была разлита как парное молоко!

Вообще здорово, что человек может словами передать свои чувства, облекая их в образы. Вы не находите? Не перестаю этому удивляться.

* * *

Земля бывает выше облаков,
Когда любовью дни освящены,
Из замков вырвавшись, сбежав из-под замков,
Не чувствуя сомнений и вины,

В ресницах пряча свой счастливый взгляд,
Чтоб не задеть несчастных невзначай,
Они друг к другу преданно спешат,
А их любовь сияет, как свеча.

Счастливые, блаженные они!
На небесах слились их имена,
Господь и их земные дни продли,
Чтоб радость вместе быть узнать сполна,

Невероятно дорогой ценой
Была разлука куплена... Прости...
Моей последней сбывшейся мечтой
Пусть будет: все потери обрести.

Тогда и пережитое – ступень
К вершине... Так что спи, любима мной.
Увидишь, как наступит новый день,
И будет этот день совсем иной!

* * *

Сказочный электрик

Тук-тук. Электрик. Лампочку вкрутить.
Кто в темноте псалмы любви поёт?
Ты можешь выбирать, кому светить,
Но свет – предназначение твоё!

Припомни это чувство: «Рассвело...» -
Втащил телегу света солнца вол...
Настольной лампе вдвое тяжело –
Переставляют со стола на стол.

Прольётся свет рожденья пеной на
Поверхность белого бумажного листа,
Ты оглядишься и увидишь: «Не одна!»
Печаль рассеется, как ночь и темнота.

* * *

Поступки, мысли и слова
Имеют времена и сроки;
Они восходят, как трава,
Из неизвестного истока;

Их, как и нас, питает Бог

Водой хрустального сосуда;
И.. наступает крайний срок,
И умирают, будто люди.

Ты уникален, человек,
И не отыщешь двух похожих
Разводов глаз под сенью век,
Узоров линии на коже;

Тем более – наш личный мир –
Неповторим и необъятен!
Но слово, что мы говорим,
Как гардероб из ветхих платьев.

Сухие мёртвые жучки,
Истлевшие в старинной ступке,
Трав прошлогодние пучки –
Вот себялюбия поступки.

Что было сказано другим,
Отжило жизнь и стало лживо –
Иссяк источник глубины,
Вот почему мы так не живы.

Их года в год, из века в век
В трубе проклятой ветер воет:

Других бросает человек,
Не в силах справиться с собою.

И нет на свете ничего
Банальней и страшней ухода
В любой стране найдёшь его,
В любое время дня и года!

«Я ухожу...» – в жару и зной,
Как гром под небом вечно синим
Звучит... и в тишине лесной,
И в толчее подземных линий.

«Люблю себя...» – трепещет рожь,
От крика птичьей в небе драки,
И солнце жжёт, и хлещет дождь,
И вянут сорванные маки...

К забвенью приговорены
Два сердца, навсегда прощаясь...

...

Но есть ещё... повторены
Они текут, не истощаясь.

Желание себя отдать –
Немыслимая человечность,

Способная, любя, страдать,
Переживает смерть и вечность.

* * *

Четвёртый путь

Ты шёл, смеясь, тропинкой лет
Потом дорогой шёл, смеясь,
Дорога перешла в проспект,
И ты не знал, что значит «грязь».

Под ноги стелят облака
Блаженным с колыбели дням,
И водит Божия рука
Крещёных по своим стезям.

Вручив богатые дары:
Свободу, разум, мир земной...
Похоже, даже комары
Таких обходят стороной.

Ты думал бесконечен день,
Как на высокой широте...
В веселии бежал олень
В своей великой простоте,

И цокот от его копыт
Спешил немного впереди
Споткнулся ты... в песок пролИт
Свет, исходящий изнутри.

Ты попросту ещё не жил,
Откуда было тебе знать...
Ведь ты её не заслужил -
Свободу... путь свой потерять.

Без света стал ты страшно слеп,
Покрытый мантией из дыр,
На ощупь познавая свет –
Свой твёрдый угловатый мир –

Обитый звёздами чертог -
Небесный транспортный вокзал...
Ещё не знал ты слова «Бог»
И многого ещё не знал!!

Но разум силу набирал
А ты... ты так стремился жить:
На всех дорогах побывать,
Из всех источников испить.

Слепец, обманутый слепцом,

В пустынях вёл свой караван,
Сам становясь скупым купцом,
Копилкой новых дальних стран.

В пустыне, будто в пустоте!
В каких гостинницах не был,
В своей безмерной слепоте,
Ты неизменно находил

Одни бумажные цветы,
А разум их сортировал,
И скоро... скоро возомнил...
Что ты весь мир уже познал.

Тот разум, что сберечь бы смог,
И натолкнуть на верный путь -
Важнейшую из всех дорог -
Дорогу под названьем «суть»,

Ведущую в небесный кров, -
Улёгся псом у ног твоих
И не впускал к тебе любовь, -
Казну и гордость сохранив, -

А только скуку и комфорт,
Сожравшие остаток сил...

Был заперт твой угрюмый форт
Ты жил... но будто бы не жил!

Не ведая ничьих тревог,
Не ведая себе преград,
Не ведая, что значит «Бог»,
«Любовь» и их потеря – «ад».

Но вот в судьбе сломался болт -
Сюрпризами богата жизнь!
Очередной из них – дефолт -
Все друг на друга оперлись...

А не имеющий друзей,
И уничтоживший врагов -
Полпешки против двух ферзей,
Всё сбросивших со всех счетов...

Скопец обрезанной души,
Стерильный медицинский стол -
Ты никуда не поспешил,
Поскольку никуда не шёл.

Мир вновь лежал перед тобой,
Наг, непригляден и убог
И ты располагал собой...

И временем... и парой ног...

Теперь, изнанку разглядев,
Продолжил путь в кромешной мгле,
Как в ночь, когда для Бога – хлеб
Стал первым домом на Земле.

Здесь за горою шла гора,
С их сонным холодом низин.
Жизнь, как огромная игра,
Очаровательна вблизи.

В любой вступал ты лабиринт,
И с честью покидал его,
Изящно выход находил,
Не замечая одного,

Того, кто ближе жизни был
На протяжении долгих лет,
Когда твой разум наполнял
Восторг одержанных побед.

Ты наедался досыта,
Подсев к небесному столу,
Когда вращала красота
Земли огромную юлу.

Ты слушал песни тишины —
Поэзией пропитан свет,
И рифмовались диск луны
И режущий туман рассвет.

И всё, о чём помыслил ум,
Сбывалось в кавалькаде дней:
И лучшие из грустных дум,
И те мечты, что слов ясней...

Дух креп, как кедр возрастал,
И равных не было в борьбе...
Но ты все силы приписал
Поспешно... самому себе...

А кто-то на ухо шептал,
Что ты неведомо велик,
И неизменно причислял
Тебя к героям новых книг.

Ты слушал тихий голос лжи,
Зовущий в пагубу тебя...
Да, ты уже... почти не жил
Нельзя любить, любя себя.

И яд твоей «любви» проник
До глубины сердечных мук
Однажды... отравив родник...
И опустел небесный круг,

И шпаги острые дилемм
Вонзились в пламенную грудь...
Ты стал, чем ты и был – ничем.
Покинув свой последний путь.

Ты был на грани... всё понять
У бездны сломленной судьбы,
Взмолиться сердцем и принять...
Но лживый голос слушал ты,

Собой рассудок перекрыв,
Он крикнул: «Зря твои года!!»
И он толкнул тебя в обрыв,
Необратимо. Навсегда...

...

Есть путь блаженных, путь слепых,
И путь исхоженных дорог,
Но ты избрал четвёртый путь
Глупее сделать ты не мог!

* * *

Слепому остаётся память
В пространстве между двух висков,
Как продырявленное знамя
Исчезнувших в боях полков.

Сухарь воспоминаний крошим,
Покуда не взошла заря...
Сильнее памяти о прошлом
Сиянье завтрашнего дня!

И он войдёт парадным входом –
Осанна! Ей, гряди! Гряди!
И ветер будет гладить всходы,
Проросшие в больной груди.

Уходят вдаль чужие лица,
Ладони небу гимн поют...
Слетаются к скамейке птицы
И крошки прошлого клюют.

...

Постскриптум: птицы, словно кошки
Жадны, как сердце до любви.

Но нераскаянные крошки
Клевать, душа, их не зови!

* * *

Пришла пора последний сделать вздох
И поглядеть на горсточку в углу
Прозрачных тонких хрупких лепестков,
Лежащих на нефритовом полу.

Закрылась дверь, ведущая назад...
И воздух сладок... И блажен покой...
Мне жаль... что здесь закроются глаза
Не этой, до смерти изученной рукой.

Откуда эта музыка... и свет?...
Как будто ожили отрывки из стихов.
Так это правда?! Истинный поэт
Пересекает раньше линию миров!

Мне страшно... я привыкла к жизни здесь,
Я чувствую, как гаснет жизни пыл.
Отпало лишнее... и видно всё – как – есть:
Ты был не лучшим... но..... единственным ты был.

Последний взгляд. Иду. Иду мой Бог...
Прощай, портрет, стоящий на столе!

Пришла пора последний сделать вздох,
И выдохнуть его в иной земле...

* * *

Не качал бродяга-ветер хвою,
Небеса пригнулися из дали,
В парке разговаривали двое
Остальные только молча ждали –

Муравей, опершийся на спичку,
Крик рябин, неделю звавший осень
Чистившая пёрышки синичка
И скелет листа, и неба просинь...

Разве виноваты звёзды, ветер,
Локон облаков, песок прибоя,
Разве виноваты все на свете,
Что один-один не стали двое?

Или оплошали капли света
Листьев, красотою опалённых?
Осень только замещает лето
И не отвечает за влюблённых.

Паланкин любви со вкусом убран
И умашен запахом кедровым;

Небо – опрокинутую тундру
Покрывает цветом вечно новым;

И поют пленительные песни
Год из года расцветая степи;
Ни прекрасней нет, ни интересней
Этих золотых великолепий!

Впрочем... есть завещанное слово -
Не превечно ветру в поле веять!
Если человек найдёт другого
И потрудится, любовь свою взлелеять,

Небеса преклонятся, а ветер
Облака взобьет периной новой...
Всё что хочешь есть на этом свете,
Только нет любви на всё готовой.

И в прямом, и в переносном смысле...
Человеку предстоит построить
Одеваясь в жертвенные мысли,
Поступаясь тем, что может стоить,

И, соизмеряя с правдой сердца,
Поступь, – Мир не монолог – эклога,-
Он откроет спрятанную дверцу

И найдёт за ней Любовь и Бога....

Разговор затих на верхней ноте...

«Нет!» она сказала обречённо,

Будто оторвала каплю плоти...

...

Рассмеялось небо облегчённо!

«Нет!» взорвалось, «Нет!» синица пела,

«Нет!» трепал ей кудри ветер встречный;

И душа аллеей полетела,

Предназначенная для любви предвечной...

* * *

Последний волк желанья на цепи -

Томится в нашем замке в подземелье...

Забудут страх пасущие в степи,

И не наполнит жуткий вой ущелий.

Я любопытна. Знаю, где ключи -

Кухарка тайну в ухо рассказала.

Тсс-сс, полная луна, пока молчи...

Спускаюсь по ступеням в мрак подвала.

Замшелую едва толкаю дверь,

Всё наполняет нестерпимый запах...

Зажгу огонь...! Передо мною – зверь!
Стоит на сильных мускулистых лапах.

Белеют вжатые в ладонь персты,
Вся кровь собралась в бьющееся сердце,
И прутья толстые, похоже, не толсты,
И только шаг от двери и до дверцы...

Пронзает душу насквозь сильный взгляд –
Скорей же!... нужно полумрак покинуть!
Но невозможно повернуть назад,
Подставить взгляду бок, подставить спину...

Я намагничена. Зверь смотрит и молчит.
Брожу в его глазах, как в коридорах,
Сами собою тянутся ключи
К своим отверстиям на кованых запорах.

На заднем плане мысли «нет.нет.нет.» -
Стрекочет телетайп скороговоркой,
И, кажется, проходит сотня лет...
И дюйм за дюймом двигается створка...

Последний шанс... толкнуть её ногой!...
Мы оба ошеломлены случившимся.
Я – потерявшая свободу и покой,

Он – неожиданно их снова получивший.

...

Промокший лес, как мох, на склонах гор;
Наш замок на холме – оплывшей свечкой.
Теперь, когда заходит разговор
О задранных на пастбищах овечках,

И об исчезнувших... о горькой их судьбе,
И о предвестниках беды – неясных знаках...
Я поднимаюсь и иду к себе...
Стою. Смотрю в окно. Пытаюсь плакать.

* * *

Случай в кафе

Они похожи: в Санта Фе
И в раскаком-нибудь Устюге, –
Все привокзальные кафе,
Как неразлучные подруги.

Так одинаковы круги
От камня... брошенного... в воду.
И Он не может стать другим –
Для этого нужна свобода.

Нет, не свобода от кольца –
Оно лишь вход в преддверье счастья;
И не от тяжести венца,
Оставившего двери настежь

Читающей письмо души –
Такой подход душе несносен...
Искусственный камин в глуши! -
Как будто нет в Устюге сосен!

Тэн раскалился докрасна,
Пластмассовых поленьев груд...
Скитается Зоря-Весна
Всё в никуда, да ниоткуда.

Она за столиком сидит
И губы движутся упрямо:
Похоже, говорит: «Иди...»,
А может «Боже...» или «мама...»,

Румянцы алые горят –
Пылают щёки, в сердце тесность,
Глаза, как капли янтаря,
Застыли, глядя в неизвестность.

Белеют пальцы: «пощади...»,
Бумажные клочки сжимая,
И волны хлещутся в груди
От чаек крик перенимая...

Торчит искусственно трава,
Дымятся в блюдечке окурки,
И вздрагивают рукава
Наброшенной на плечи куртки...

Я встал и подошел... «Зоря!..» -
Глумился телевизор-ящик...
Блеснули капли янтаря...
«Зоря, я здесь. Я – настоящий!!»...

...

Земля души! Глазами птиц
Расчерчена ты на квадраты,
И каждый припадает ниц
К своей полоске непожаты.

Влачит отмеренные дни,
Как бы единственное дело...
Зоря, тебя я проглядел!!!
Да. Это то, что я не сделал!!!

* * *

Она торжествовала и тимпаны
Плескали в воздух серебристый звон! -
В столицу заходили караваны
С награбленным, несправедным добром...

Тяжёл подол узорчатого платья,
Теперь все платья, как колокола! –
Звучат набатом... Ты сама проклятья
В плену твоём рождённых навлекла.

Земное царство рухнет. Станешь нищей
Бродить с сумою по стезям земным,
А лилии взойдут на пепелище,
Оставленном тщеславием твоим.

* * *

Бог дал тебе неведомую власть,
Как Моисею на синайских склонах
Вручил скрижали ветхого закона.
Ты знаешь... даже ангел может пасть,
Как молния сорвавшись с небосклона.

Мы – люди – кратковременно-земны, -
И получившие в распоряженье силу

Кладут тела до времени в могилу,
Как те, кто этой силой сражены, -
И искони так от Адама было...

Но участи бессмертных наших душ,
Покинувших подмостки сгнившей сцены,
По смерти далеко не равноценны,
И ты свой храм сердечный не разрушь,
Зарыв в песок подарок драгоценный.

Отцам отцов, занявшим их места,
Стяжавшим истину в скитаньях удалённых,
В их поиске, всегда неутолённом,
Проводником служила красота,
Задолго до написанной иконы.

Твои глаза должны бы звать других, -
Считающих, что ты имеешь право, -
К спасительной далёкой переправе,
Не в бездны, поглощающие их...
Амброзией быть, дочь, а не отравой.

Послушать наставления отца,
И матери не позабыть завета
Просил нас Соломон, чтоб мы за это
Дошли в спокойствии до самого конца

Земного, угасающего света...

Цепь не прервётся... мой настал черёд
Припомнить всех... с живущими проститься,
И в персть свою обратно возвратиться;
Любой, рождённый на Земле, – умрёт,
Но не любой достоин возродиться.

Тем мне больнее, будто в сердце нож,
Переживать с тобою расставанье,
Держа твои ладони на прощанье,
Знать, что завет ты мой не сбережёшь,
И дар свой обратишь себе в изгнанье.

Не спорь напрасно. Между двух миров
Стоящему... всё видится иначе...
Вот мать твоя пришла... Стоит и плачет.
Ей вторит звон немых колоколов,
Их гул густой так прозорливо-мрачен.

Вручённую тебе от Бога власть
Для управленья Божьими судьбАми,
Столкнёт желанье и доступность лбами,
И превратит в пленяющую страсть,
Чтоб душами играть, как рабами.

Блистая и умом, и красотой,
Ты всё припишешь личному величью –
Натянешь лук, и сердце станет дичью,
Неошибающейся ледяной стрелой
Пронзённое, разделит участь птичью.

За это попускается страдать...
Отвергнутая искренне любимым,
Запутавшись в поступках и причинах,
Боль, как лекарство не сумев принять,
Назло разочаруешься в мужчинах,

И станешь мстить, и в мести матереть,
Плетья изысканные шёлковые сети,
Забыв о цели прожитых столетий
И мудрости отцов и матерей,
И обо всём... на этом белом свете.

Испив из кубка страшного забвенья,
Когда становится проклятьем сердца гнёт,
А нежность – похотью и страстью в свой черёд...
И исступленье вместо вдохновенья
Тебя в такие дебри заведёт,

Что только Бог Один об этом знает,
И только Он имеет власть помочь...

А я, прости, на этом умолкаю...
И умираю... будь разумной, дочь,
Идя дорогой, не ведущей к раю...

* * *

– Присядь на стул, усталый путник,
Разгладь измятый свой зипун,
Послушай, как послали спутник
В галактику ста тысяч лун.

Веками жили мы в печали –
Устали ждать и... отреклись,
Но были чудачки... ночами
Не спали, изучая высь.

Это они создали крыши
И с вениками чердаки,
Чтоб быть... ну хоть на каплю выше
Всепоглощающей тоски.

Один из них, – затейник редкий, –...
– Ты слушаешь? Ещё не спишь? –
Поставил как-то табуретку
На самую из высших крыш.

Он рассуждал: «Ещё немного,

Пока хватает слабых сил...»
И милость заслужил у Бога
И Бог его не посрамил.

Дрожало сердце человека -
Он пил ушами стоны струн:
На расстоянии парсека
Нашлась вселенная из лун.

В ней (по естественным причинам)
Угасла солнца голова;
И беспокоилась скотина,
И не цвела в степях трава.

Расшиб колено кто-то где-то,
Споткнувшись о любви валун,
И всё залило бледным светом
Скучающих на небе лун.

-Ты человек нездешний, путник,
Прядёшь иную жизни нить...
Нам, недостойным, грешным спутник
Господь позволил запустить.

И он кружится на орбите,
На высоте давным-давно,

И тянут люди взгляды-нити
И души с ними заодно.

Нет, он не солнце – в небе точка;
Он мир иной не осветил;
Он – спутник. Спутник он. И точка.
Он рядом, сколько хватит сил.

Не выгод ради иль забавы
Он совершает круг во мгле...
Иные прорастают травы
Теперь на брошенной земле.

Надежда озаряет лица,
И изменяет тембры струн,
И поднимаются ресницы
Вселенной сотни тысяч лун!!

* * *

Я обожаю рисовать на крыше!
Кто был, тот знает, что такое «море крыш» -
Печёшься как пирог, лишь солнце выше,
Мурлыкает безоблачная тишь.

О, громыхающее кровельное царство!
В лесах твоих антенн не прячет тень...

Ребристых склонов медное коварство,
И бесконечен поднебесный день...

Под синим небом, как на круглом блюде
Стоишь-летишь, расправив две руки,
Спешат куда-то муравьишки-люди,
Текут автомобилям ручейки.

Здесь всё отчётливо приближено молчаньем,
Осмыслено в щемящей тишине,
Окутано таинственным звучаньем
И сказочно... как в не вечернем сне.

Любой герой на этой авансцене
Прописан кистью тонких волосков
Поверх небрежно-тщательных движений
И смелых независимых мазков.

Вдвойне загадочно, что мысль не задрожала,
И не раздался колокольный звон,
Лишь облако на солнце набежало,
Когда на крыше появился Он

И по вуали набежавшей тени
Я поняла: ура... произошло!
А Он стоял, заглядывал в постель мне,

От крыш струилось маревом тепло,

Глаза смотрели пристально и чисто,
Как заинтересованный малыш...

Каприз судьбы: в субботу очутиться
На этой именно из сотни разных крыш!

Моей фелюге море подавай-ка,
Лишь после бурь горяч в тавернах грог!
Я видела и варны и клондайки,
Но в этом море... был другой песок.

Действительно, не каждый божий берег
Достоин трапов с наших кораблей,
А этот звал срубить просторный терем,
Соорудить лачугу из ветвей

На нём, да жить, годов не замечая,
Разгадывая смысл слова «быть»,
А если нет хорошего причала,
То с носа в воду броситься и плыть...

Хождение по карнизу – дело смелых,
Но не смотри направо и назад,
Чтоб не испортить страхом это дело...
А Он смотрел... смотрел во все глаза!

Стоял у края, вглядываясь в землю,
Как телескоп в пространство бытия,
Каким-то внутренним своим порывам внемля,
И дрожь глубин почувствовала я.

Бездонности коснулась сердца краем,
Как прислонилась к утренней звезде,
Безмерность удалённости окраин
И центр, находящийся везде

В тот миг прекрасно сосуществовали
В ликующем единстве бытия...
Я стала песней... льющейся из рая...
Закрыв глаза, взорвалась трижды я.

Взрыв первый был похож на пробужденье,
Проснулась память, вспомнив каждый вздох,
От детских лет... от самого рожденья,
До поздних примелькавшихся годов.

Второй хлопок... – и жизненной дороги
Ещё раз размоталась честно нить,
Как будто чей-то взгляд простой и строгий
Смотрел со мною, не давал хитрить.

Непрошенные слёзы навернулись,
Комком поднялся к горлу дерзко стыд,
Внутри как будто всё перевернулось...
Я, кажется, заплакала навзрыд...

А третий взрыв раскрыл объятия сердца,
Прикованного между двух столбов,
И вместо ежедневных соли с перцем
На раны маслом хлынула Любовь.

И белый свет невероятной силы
Всё существо моё... наполнив, осиял...

...

Всё кончилось... и я глаза открыла -
Никто на крае крыши не стоял!....

На чувства, потерявшие отвагу,
Нахлынула невнятная тоска,
Я собрала мелки, взяла бумагу,
И в полумрак нырнула чердака...

Теперь, когда покроет сердце тучей,
И жизнь коптит, и схлынет благодать,
Я вспоминаю этот странный случай
И продолжаю думать и искать.

Мне говорят: «дрожим твоих девизов!
Боимся не ударить лицом в грязь...»
А я не то, чтобы «идуший по карнизу»,
Я даже на чердак не поднялась!

* * *

За эту почти бесконечность возможных начал,
За разные чаши Твоих милосердных весов,
За тайный, безмерно далёкий, но ждущий причал,
За лодку, за вёсла, за ветер тугих парусов,

А кончится ветер – за то, что устало гребу,
За неповторимость идей и основ простоту,
За право придумать какую угодно судьбу
И сердцем лелеять свою золотую мечту,

"А жизнь – только Слово" – почти догадался поэт,
За то, что его уже нет, а догадки текут,
За тающий лёд проживаемых медленно лет,
За бешенный бег уносящихся в вечность секунд,

За осуществимость скрестившихся в небе дорог -
Ведущих в иное таинственных Божьих путей,
Спасибо Тебе, изливающий милости Бог,
Держащий за руку своих непутёвых детей!

Эпилог

* * *

Будет время, как грифель, стирать предложенья в песок,
Будет ветер нести его к месту по малым крупичам,
И весёлые песни разучат чудесные птицы,
Чтоб всё было готово, когда переполнится срок.

Будут травы по каплям, как манну, из неба росу,
И поить той небесной водой придорожные маки,
Чтоб они, словно близких людей незаметные знаки,
Указали в словесном бурьяне строфу и тропу,

Уводящую вверх. Свет следов от читающих глаз
Здесь остался, как звезды, гореть восковыми свечами;
Кто-то скажет «да он не писал – он молился за нас»,
А другой, не поверив, пожмёт равнодушно плечами.

Чтож, поэт – вполовину монах, так устроил Творец -
Затворившись от взглядов людских в белой убранной ке-
лье,

Он становится грудью для песен и их колыбелью,
А они, как гнездо, для него вьют терновый венец.

Перекрестные рифмы, высокий и искренний стиль,
Как веревки крест-накрест связали бессонные ночи;
Даже если молчу, эти мысли мои мироточат...
Заглушая своим ароматом болотную гниль.

И поэзия – путь... и возможность... и внутренний храм,
Заполняющий благостью, будто тетради словами...
По слогам к облакам приближаясь стопами-шагами,
Пролагает дорогу читающим строки сердцам...